

ОЛЕГ ВОЛХОВСКИЙ

СПИСОК ОБРЕЧЁННЫХ

— 2 —

Список обреченных

Олег Волховский
Список обреченных - 2

«Автор»

2026

Волховский О.

Список обреченных - 2 / О. Волховский — «Автор»,
2026 — (Список обреченных)

У Андрея Альбицкого отняли все: жену, ребенка, друга, бизнес и, в конечном итоге, родину. Только жизнь и свободу пока не вышло! В мире глобальной электронной слежки неуловима его гильдия убийц, и от нее нет спасения. Это второй том серии "Список обреченных".

© Волховский О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Олег Волховский

Список обреченных - 2

Глава 1

– Жив, не ори, – говорит Андрей и переворачивает стол.

Посуда со звоном летит вниз.

Несколько пуль почти одновременно пробивают столешницу над его головой.

Посетители ресторана вскакивают с мест. Визжат женщины. Кто-то стонет.

Альбицкий выхватывает пистолет. Женя тянется к своему.

Майор целится, лежа на земле, из-под контейнеров с розами.

Гремит выстрел.

Кто-то кричит.

– Ты его подстрелил? – спрашивает Андрей.

– Задел, вроде. Он за памятником.

– Далеко.

– Это смотря из чего стрелять. Похоже у него штурмовая винтовка.

Звучит сирена полиции.

– Ну, прощай, Злата Прага! – говорит Альбицкий.

– Здесь с этим либерально, – бросает Кирилл Иванович. – Хоть два ствола носи.

– Я не о том, Кир. Черт с ней, с полицией! Выследили гады!

– Он уходит.

– Ну, еще бы!

На площадь выезжают белые с желто-голубыми полосами «Шкоды» полицейских. Штук пять, сразу с нескольких сторон.

И плевать им на пешеходную зону.

Воют сирены.

– Оперативно, – хмыкает Альбицкий и поднимается на ноги. – Я думал они тут мышей не ловят, особенно после девяти вечера.

И убирает пистолет.

– Ну, стреляли же, – говорит Кирилл Иванович. – Не телефон стибрили. Обрати внимание на ближайшую «Шкодочку», точнее на эмблему на двери.

– Белый орел на парашюте и скрещенные мечи над ним?

– Да. Группа немедленного реагирования. Местные борцы с терроризмом.

– Кир, ты здесь живешь дольше меня. Насколько чехи безумны?

– Не более, чем русские.

– Понятно. Пойдемте-ка к выходу, что-то у меня нет желания общаться с братским чешским спецназом.

– Жень, пошли к ратуше, – зовет Кир.

У ратуши ждут три машины полиции, полностью перекрыв узкий переулок, и выстраивается оцепление. Полицейские в черной одежде с крупными желтыми номерами на груди, вооружены навороченными автоматами с оптикой и тепловизорами.

– Мать! – тихо говорит Кир.

Альбицкий идет прямо на них, стараясь не смотреть в глаза. Ты их не видишь, и они тебя не видят – частенько прокатывает.

Но за ним слишком крупный майор и Женя, не знающий этих премудростей.

Ближайший полицейский что-то говорит по-чешски. «Престань», что ли. И поднимает руку.

– Просит остановиться, – переводит Кир.

– Ок, – кивает Альбицкий.

Чех спрашивает что-то еще, где явно звучит «Россия».

– Да, из России, – отвечает Андрей.

И добавляет по-английски:

– К нам есть претензии?

Полицейский морщит лоб, пытаясь понять, но сдается и загружает на телефоне автопереводчик.

Альбицкий повторяет.

Чех что-то говорит.

– Нет, – переводит Кир. – Но просят подождать инспектора. У него могут быть вопросы.

– Ну, что ж, значит ждем инспектора, – вздыхает Андрей.

Инспектор – высокий поджарый чех, такой же надменный, как все они: от президента до официанта. Английским владеет.

Андрей с друзьями – не первые его собеседники.

– Свидетели утверждают, что отстреливались вы, – говорит он.

– Да, – кивает Альбицкий. – Это самооборона.

– К вам никаких претензий. Более того, наша благодарность. Если бы не вы, жертв было бы больше. Только лицензии на оружие покажите, пожалуйста.

Андрей загружает лицензию на телефон, Кир с Женей следуют его примеру. Здесь лицензию на короткоствол можно получить за один день по интернету, и легче сделать это, чем искать оружие на черном рынке. Госпошлина, конечно. Но это копейки по сравнению с ценой пистолета.

Только хваленые «чешские Кольты» оказались почти бесполезны. От ресторана до памятника Яну Гусу метров восемьдесят, если не сто. Слишком далеко для прицельной стрельбы.

Полицейский сканирует лицензии и остается доволен.

– Вы знаете, кто террорист? – спрашивает инспектор. – У вас есть предположения?

– Его взяли? – интересуется Кир.

– Нет пока. Надеюсь, вы нам поможете.

– Поищите в Российском посольстве, – советует Альбицкий.

Инспектор даже не удивляется.

– Это довольно далеко. На другой стороне Влтавы.

– Не думаю, что он был пешком.

– Я его ранил? – спрашивает Кир.

И оглядывается на памятник, который огораживают желтыми сигнальными лентами.

– Да, но не серьезно. Претензий к вам нет, но вы должны оставить нам ваши паспортные данные и контакты.

Друзья предъявили паспорта, пообещали явиться по первому требованию, и их, наконец, отпустили с миром.

– Как же приятно чувствовать себя законопослушным человеком! – заметил Альбицкий, когда они покинули площадь и углубились в лабиринт узких переулков. – Кир, как ты думаешь, зачем нацлидеру понадобился этот грохот? Как-то не его стиль.

– Заскучал, наверное, – хмыкнул майор. – Захотелось экшен. А то сердечный приступ во время утренней пробежки, укол зонтиком да ДТП. Тоска! А может подчиненные демонстрируют, что не сидят сложа руки.

– Или нас выкуривают из Праги.

– Чем Чехия лучше всего остального?

– Свободное ношение оружия, вольница с наркотой, то есть подбрасывать нет смысла, и не выдает России.

– Да, кто нас выдаст!

– Сваливать придется, тем не менее.

Ночью Андрей залез в интернет и заказал на всех билеты до Вены на ближайший вылет.

– Оповести всех, что Чехия больше небезопасна, – кинул он Кириллу Ивановичу.

В Вене они обосновались неподалеку от Вестбанхофа. Место не самое дорогое, но все-таки относительно центральное. Правда много иммигрантов, борделей и мелкого криминала.

Зато Альбицкий снял двухкомнатные апартаменты. Это было не так, чтобы очень круто. Апартаменты состояли из гостиной-кухни в одном помещении и малюсенькой спальни с эркером. Квартира была на последнем этаже и имела мансардные окна, в которые норовили залезть ветви деревьев, если оторвать створки.

Обилие остекления не нравилось Кириллу Ивановичу: стрелять по ним хорошо. Зато нравилось Альбицкому: воздух и небо.

Для Жени и майора нашлись маленькие студии в том же районе.

В третий день процесса Женя, Кирилл Иванович и Андрей собрались у Андрея смотреть видео из суда.

– Мы заявляем ходатайство о приобщении к делу видеоролика с признанием Евгения Соболева в убийстве судьи Беленького и Анжелики Синепал, – сказал Константинов.

– Почему не на стадии предварительного следствия?

– На стадии предварительного следствия нам было отказано.

– Значит, ваш ролик не имеет отношения к делу.

– Как не имеет? – хмыкнул Левиев. – Там человек признается в убийствах, в которых обвинят нашего подзащитного.

– Какой-то парень в чем-то признается, – пожал плечами судья. – И что?

– Давайте хотя бы посмотрим, – предложил Константинов.

– Нечего там смотреть. Отказано!

– Ну, зачем смотреть? – прокомментировал Альбицкий. – Все уже видели.

– Мы просим тогда приобщить адвокатский опрос Евгения Соболева, – не сдавался Константинов.

– Адвокатский опрос не является официальным документом.

– Как не является?

– Отказать, – прошипел судья.

Судебные заседания проходили каждый день по восемь-десять часов. По десять не совсем законно, но судьи работали на износ, часто продолжая заседания до девяти вечера. А начало в десять.

На заседание ехать несколько часов в душном переполненном автозаке на узенькой скамеечке, на которой невозможно усидеть.

Эта чудо-машина была изобретена примерно четверть века назад и даже выставялась Россией на одной международной выставке как национальная гордость. Правда, никто не купил. У Запада были другие интересы.

С тех пор на нее навесили электродвигатель, ибо бензоколонки закрылись. И больше ничего изменить не почесались. Даже допотопный дизель зачем-то оставили.

Ну, спасибо, что не на дровах, как когда-то в Северной Корее.

В те давние времена, когда Россия еще была в Совете Европы, правозащитники и адвокаты периодически возмущались, а когда любимую Родину оттуда турнули, всем стало совсем по фигу.

Уставал Дамир страшно. Десять часов заседание, четыре часа на дорогу до него и четыре после. На сон теоретически шесть часов. Но получается не больше четырех-пяти.

Почему четыре часа езды до Лесного городка, куда даже с пробками ехать не больше часа? А потому, что ты, Дамир, не один. Надо собрать всех арестантов из Психологического центра, у которых в этот день суды, а в Москве еще подобрать кого-нибудь из СИЗО. А потом также на обратном пути.

Тоже национальная скрепа. И этой скрепе уже полвека, как минимум.

И все эти мучения для того, чтобы послушать, как бубнит прокурор, зачитывая показания, данные на следствии. И это восемьдесят процентов заседаний.

Был пятый день этого мучения. Дамир уже с трудом держался на ногах. Голова болела, не переставая. Наручники натерли раны на запястьях. Их не сняли, конечно! Особо опасен.

Пятый день, значит пятница. Может, выспаться удастся в субботу и воскресенье. И поесть что-нибудь, кроме печенья и воды. По выходным нет заседаний.

Началось с обычного бубнежа прокурорши Бондарь.

Дамир уж надеялся немного поспать, привалившись к стене, хотя на узкой жесткой скамье это казалось невозможным.

Но после обеда его разбудил гнусавый голос судьи Кабанова.

– Сегодня у нас намечены допросы экспертов, – объявил он. – Пригласите в зал Медынцева Алексея Матвеевича.

Дамир сделал над собой усилие, встал, подошел к стеклу «аквариума» и оперся на него рукой.

Вот он, один из тех, по чьей милости он здесь. Главный психолог Лесногородского Центра. Автор поддельного заключения. Немолодой серый человек, которого он видел один раз по телевизору, когда тот врал, что Дамир – убийца. Идет, опустив глаза. Подходит к кафедре свидетеля.

Дамиру казалось, что он сверлит психолога взглядом. Но Медынцев ничего не замечал, уставившись в кафедру.

Дамир сжал в руку в кулак. Благополучный студент элитного университета, который за всю жизнь кошки не обидел, никого пальцем не тронул, да и драться не умел. Чуть не впервые ему хотелось убить человека. До зубовного скрежета, до боли, до дрожи. Был бы пистолет – выстрелил бы, не раздумывая и не помня о последствиях.

– Что можете показать о психологическом заключении Дамира Рашитова, которое вы подписывали как психолог? – спросил судья.

– Оно подделано, – очень тихо проговорил Медынцев.

– Что? – проорал Кабанов. – Мы не расслышали.

И уставился на психолога маленькими злыми глазками заплывшего жиром борова.

– Оно подделано! – громче сказал Медынцев и, наконец, поднял взгляд.

– Вы только что сознались в преступлении, – сказал судья. – Это фальсификация доказательств.

– Нас заставили, – сказал психолог. – Следователи угрожали нам уголовным делом о коррупции, что мы написали отрицательное ПЗ за взятку. Дамир Рашитов из богатой семьи. И мы написали в заключении, что он виновен. Это неправда!

Дамир отступил на шаг, чуть не упал, отступая к скамье подсудимых. Ян поддержал его и помог сесть.

Человек, которого он только что хотел убить, сейчас на его глазах совершал подвиг. Самый настоящий без дураков!

Что изменилось? Почему?

Правду говорить только начать, потом она льется сама, без усилий и принуждения.

– Комментарий про «смелых ребят» он оставил, но это все. Никакого отношения к Лиге он не имеет, – продолжил Медынцев. – Мы написали в ПЗ, что Дамир виновен в убийстве Анжелики Синепал. Это неправда. Этого не было в памяти. Он не знал даже орудия убийства. А мы просто спасали себя. Посмотрите, поднимите документы. В первом ПЗ только одно убийство. Оно наверняка есть в деле.

– Остановитесь! – закричал судья. – Вас предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний!

– Это не ложные показания! Ложные показания в деле, а не здесь! Потом парня пытали, под пытками заставили признаться еще в пяти убийствах, а нас вынудили подписать новое ПЗ. Любой психолог вам скажет, что это невозможно. Убийства на нейронной карте видны сразу. А еще видны пытки. Так что мы лечили Дамира от посттравматического стрессового расстройства. Такая была психокоррекция. Знаете, что такое ПТСР?

Кабанов с размаху ударил молотком.

– Я объявляю перерыв!

Вскочили адвокаты.

– Это нарушение наших прав! – сказал Левиев. – Допрос эксперта не закончен. Защита имеет право задать вопросы.

– Допрос закончен! – закричал судья.

Вскочил с места и удалился в совещательную комнату в сопровождении двух молчаливых кивал в мантиях.

Медынцева вывели из зала приставы. Двое чуть не под руки и один за спиной с автоматом.

Вот и выход из здания суда. Здесь стоит мраморная статуя Фемиды и висят хрустальные люстры. Правда, всей этой роскоши больше четверти века, так что мрамор слегка пожелтел, а на люстрах не хватает подвесок.

Ему помогли спуститься по полустертой лестнице из пяти ступенек, подтолкнули к двери и даже открыли ее.

Он вышел под июньские тополя в гроздьях белого пуха.

Час перед закатом. Жарко. И пух кружится в лучах багрового солнца.

С какой крыши они собирались стрелять? Вон с той, по другую сторону улицы? Далеко, вроде. Или с этой, справа? Какая-то темно-красная развалюха. Старые гаражи что ли? И проулок во двор.

Он посмотрел сначала на одну крышу, потом на другую.

Пусто.

«Ну что, довольны?» – мысленно спросил он.

Его карьера закончена. Интересно, кто сменит его на посту главы Центра? Уж точно не Олег. СБ ни за что не потерпит Олега.

Да, какая разница! Лишь бы уголовку не пришили. С них станется!

Медынцев думал, что его будет душить ненависть к Лиге, разрушившей его жизнь.

Да, ненависть жжет, но адресат ее не ясен.

Тот миг освобождения, когда он стоял перед судом и говорил все, как есть, дорогого стоил. Этого не забыть.

В этот день заседание так и не возобновилось. Так что Дамир вернулся ПЦ почти на час раньше. Даже ужин ждал в камере и еще не совсем остыл. А в выходные он выспался. Какое же счастье спать по восемь часов!

Утро понедельника началось с ходатайств адвокатов.

– У нас есть заключение независимого эксперта, – сказал Левиев. – Мы бы хотели приобщить его к делу.

– Что за эксперт? – спросил судья Кабанов.

– Профессор Крис Уоррен. Преподаватель факультета психологии Оксфордского Университета, штатный психолог Лондонского Психологического Центра, член Ассоциации Психологов Великобритании, Европейской ассоциации психологов, почетный член Американской психологической ассоциации, автор более ста научных работ...

– Погодите, – сказал судья. – У него есть опыт экспертизы в российских судах?

– Нет, – признал Константинов.

– В таком случае он некомпетентен! – отрезал Кабанов.

– Но он ученый с мировым именем!

– И что? У него нет опыта эксперта! Все! Дальше!

– Не дальше, ваша честь! – сказал Левиев, вставая. – Тогда мы бы хотели допросить Криса Уоррена, как свидетеля.

– Не та стадия процесса, – сказал судья. – Свидетели защиты на стадии допросов свидетелей защиты.

– Господин Уоррен здесь, – сказал Константинов. – Вы не имеете права его не допросить.

– В зале? – спросил Кабанов.

– К сожалению, он не смог приехать в Россию.

– Не уговорили? – хмыкнул судья.

– Без объяснения причин отказали в визе. Он на связи. Можно прямо сейчас начать видеоконференцию.

– Значит, свидетель не присутствует в зале, – прогнусавил судья.

– Мы заявляем ходатайство о его допросе, – сказал Левиев.

– А мы отказываем! – объявил Кабанов.

– Мы заявляем ходатайство о приобщении экспертного заключения, – не терял надежды Константинов.

– Отказать! – сказал судья и стукнул молотком.

– Причина? – спросил Левиев.

– Некомпетентность эксперта.

Дамир горько усмехнулся. Последние несколько месяцев он словно катался на американских горках: то взлетал до самых радужных надежд, до падал в бездну отчаянья.

– У нас есть еще одно экспертное заключение, – сказал Константинов.

– Тоже иностранное? – поинтересовался судья.

– Не совсем, – сказал Илья Львович. – Это заключение Якова Борисовича Анисенко – психолога из Лесногородского Центра, который изначально работал с Дамиром и снимал нейронную карту.

– Он подписывал заключение?

– Нет, он отказался подписывать поддельное заключение. У нас оригинальный вариант, который потом был исправлен Медынцевым под давлением следователей.

– На нем есть печать Лесногородского Центра? – спросил Кабанов.

– Нет, – сказал Левиев. – Это независимое заключение. Только подпись Анисенко.

– В таком случае это филькина грамота. Ничего мы приобщать не будем.

И стукнул молотком.

– Тогда мы заявляем ходатайство о допросе Анисенко в качестве свидетеля.

– На стадии допросов свидетелей защиты! – отрезал судья.

– Это не все, – сказал Левиев. – У нас есть еще один документ.

– Что за документ?

Глава 2

– Мы бы хотели приобщить к делу нейронную карту Дамира Рашитова, – сказал Левиев.
– Вы смеетесь? – хмыкнул Кабанов. – Это бессмысленно для суда. Мы не приобщаем нейронные карты!

И больше не допросили ни одного эксперта, в том числе ни одного из тех, что писали заключения его товарищам по скамье подсудимых. Несмотря на все ходатайства их адвокатов.

Очередное заседание Женя смотрел дома, через планшет. С Андреем и Кириллом обсуждали процесс по видеоконференции, прямо из Лондона присоединился Крис.

– Мне было любопытно узнать о моей полной некомпетентности, – заметил англичанин.
– Не слышал такого уже лет двадцать. Вспомнил студенческую юность.
– Скажи им спасибо, – усмехнулся Кирилл Иванович.
– Они идиоты, – сказал Андрей. – Весь мир будет смеяться.
– И что? – спросил майор. – Им бы только, чтобы шкура была цела и деньги не переводились.

Раздался звонок в дверь. Женя вздрогнул. После пражских событий он стал немного нервным. Суд над Дамиром тоже не добавлял душевного спокойствия. Скоро ему сниться будет это бесконечное «Отказать!».

Альбицкий заметил и заставил связаться с Крисом.

– Мистер Уоррен, Андрей просил, чтобы вы пересняли мне карту и написали заключение, – вежливо сказал Женя по-английски.

– Во-первых, ты говоришь, как во времена королевы Виктории, – сказал Крис. – Просто «Крис», и долой официоз. Во-вторых, по-русски, Женя, по-русски. Ты бы знал, каково слушать русский акцент! Ужасно некрасиво. И ни с чем не спутаешь. Не обижайся!

Женя уж хотел что-нибудь вернуть про английский акцент Криса, но сдержался. По правде говоря, акцент был едва заметен.

– И в-третьих, Женя, у тебя же моды стоят?

– Да.

– Значит, ни в каких очных встречах нет необходимости. Запускаешь на своем телефоне программку «Нейросканнер», она тебе за час все снимает и автоматически отправляет мне.

Крис объяснил, где программка и как пользоваться.

– Пароль от твоих модов у тебя есть?

– Да.

– Тогда все вообще замечательно. Жду.

– Крис, а мне что делать в этот час?

– Что угодно. Процесс тебя совершенно не касается.

Так что переснятая карта уже пару дней была у Криса, но ПЗ пока не было.

Женя встал, взял чешский пистолет «Чезет», который был с ним во время перестрелки на Староместской площади, и теперь всегда лежал под рукой, на столе рядом с ноутбуком. Австрия оказалась почти столь же дружественной к любителям огнестрела, как Чехия, даже чешская лицензия подошла, только больше одного ствола в общественных местах желательно было не носить.

На мониторе видеокамеры у двери отобразился робот-курьер. После пражской перестрелки по магазинам старались не ходить: всю еду заказывали.

Женя открыл.

Доставщик представлял собой цилиндрический холодильник на колесиках, примерно по пояс Жене. Ну, да! Человекообразные роботы нужны только для секса, и, возможно, для ухода за детьми. Остальным довольно одной-двух функций.

– Ваш заказ! – сказал робот женским голосом.

Сказано было по-немецки, но эту фразу Женя уже выучил.

На передней стенке отъехали в стороны створки дверей, и из недр автоматического курьера выползла платформа с полиэтиленовыми пакетами с едой, оставила их на полу и уползла обратно.

– Хорошего дня! – сказал робот и ретировался.

В России такие до сих пор были экзотикой и игрушкой для богатых. Ничего сложного в них не было, но живые курьеры обходились дешевле. Они до сих пор и бегали с едой по российским городам и весям.

Здесь царил евросоциализм, и каждому иммигранту платили пособие, так что рабочих рук для такой собачьей работы было не найти. И вот красиво решили проблему.

В Праге прогресс был не очень заметен, поскольку жили в старом городе и не боялись выходить на улицу. А здесь встало в полный рост.

Женя вернулся к компьютеру. Кир с Андреем подключились к видеоконференции и появились в углу экрана.

Сегодня должны были выступать свидетели защиты. Адвокаты уже подали список.

Судья Кабанов внимательно изучал его на мониторе ноута. Или делал вид, что внимательно изучает.

– Мы заявляем тех же свидетелей, что и во время допросов экспертов, – сказал Левиев. – Крис Уоррен, Яков Анисенко, кроме того, отец Дамира, клинер, которая работала в квартире Дамира накануне обыска, и мы бы хотели задать вопросы Медынцеву как эксперту.

– Медынцева уже допросили, – сказал Кабанов.

– Его не допросила защита, – попытался возразить Левиев.

– Я уже вынес решение. Отказано!

– Крис Уоррен...

– Ваш англичанин? Он не имеет никакого отношения к делу. Отказать!

– Яков Анисенко...

– Тем более!

И судья стукнул молотком.

– Ладно, отца послушаем, – смиростивился он.

Ринат Рашитов был полным, но интеллигентным и живым. Дамир заулыбался, увидев его, пожал одну руку другой, мол, все будет хорошо.

Отец рассказал, какой у него умный мальчик, как хорошо учился и как поступил в Вышку на бюджет.

– А, откуда у него оружие? – спросил Константинов.

– Подбросили. У нас не было оружия. Видимо, затащили, когда никого не было дома.

– Почему вы так думаете? – поинтересовался прокурор. – Вы могли просто не знать.

– Так оперативники ничего не искали, сразу лезли на шкаф или под кровать, и именно там и оказывались стволы. И еще знаете, у нас уборщица каждую неделю убирает. И как раз накануне убиралась. И со всех шкафов пыль вытирает, и под кроватями. Что же она-то ничего не нашла?

Левиев заявил ходатайство о допросе уборщицы. Суд удалился совещаться с самим собой.

И отказал: суд считает допрос клинера нецелесообразным.

– Ну, вот, – сказал Альбицкий. – Чего же тут целесообразного? Опровергнет же все.

– Но это же шито белыми нитками, – взмутился Женя.

– А какими ты хочешь? – спросил майор. – Белые нитки они самые дешевые. Знаешь, как автомобиль без окраса.

– В нашем списке еще пятьдесят человек, – напомнил Константинов.

Судья пролистал список до конца, поморщился и сказал:

– Эти люди вообще ни при чем! Отказано!

– Один свидетель из пятидесяти? – спросил Женья. – Как так можно?

– Ох, Женька, этой фишке уже лет сорок! – сказал Альбицкий. – Тоже мне экзотика!

Свидетелей обвинения допросить, свидетелям защиты отказать. Все элементарно.

– Не похоже на университетскую теорию, да? – хмыкнул майор.

– Зачем суд тогда! – воскликнул Женья. – Были же сталинские тройки!

– А чем тебе не тройка? – спросил Кирилл Иванович.

– Сталинские тройки были весьма рациональным решением, – заметил Альбицкий. – Хотя бы менее лицемерным. И этим куклам зарплаты меньше платить. Весь суд за пять минут – и приговор к расстрелу, а эти вторую неделю делают вид, что что-то решают.

– Я не совсем понимаю, зачем здесь вообще суд, – заметил Крис. – В монархических странах обычно есть институт королевских указов.

– И то верно, – хмыкнул Альбицкий. – Организовал бы нацлидер канцелярию при своей администрации и пусть выносят приговоры на основе документов, без всякого разбирательства. Очень экономично.

– А можно и без документов, – заметил Кирилл Иванович.

– Ты всегда был радикальнее меня, – сказал Андрей. – Действительно, зачем документы? Следствие решило, что виновен, значит, виновен.

– А, зачем следствие? – спросил майор. – Оно что у нас лучше этого суда?

– Мыслию стереотипами, – вздохнул Андрей. – Конечно, какой смысл в следствии? Достаточно обвинения. А уж адвокаты – это вообще анахронизм.

– Тогда зачем все это? – спросил Женья.

– Ну, как зачем? – усмехнулся майор. – Для видимости, конечно.

– Сохранить лицо? – поинтересовался Крис. – Вы, что, китайцы?

– Не совсем, вроде, – сказал Кирилл Иванович. – Но что-то явно есть.

– Основная причина даже не в том, чтобы сохранить лицо, – сказал Андрей. – А в том, чтобы спихнуть ответственность. Это не я, это у нас суд такой. Суд решал, а мы не смеем вмешиваться. У нас суды независимы. Да? А вы не знали?

Из всех свидетелей защиты суд согласился допросить еще одного из списка защиты Яна.

Его адвокат Ставицкий нашел парня, который работал в том же автосервисе, что и Дудко. Яна тоже обвиняли в убийстве прокурора, а государственный адвокат Гены не делал вообще ничего.

Свидетель сказал, что приятель Гена накануне убийства прокурора взял отгул, и прокурорским «Лексусом» не занимался. Но помнит, что машина была в сервисе месяца за два до ДТП.

– Его оправдают? – спросил Женья.

– Дудко? – вздохнул Альбицкий. – В наших судах не оправдывают. Если судьи поймут, что человек уж совсем ни при чем, могут дать ниже низшего.

– А условно?

– Ну, что ты, Женья, – усмехнулся майор. – Какое условно? Терроризм же.

– Но убийство прокурора – не террористическая статья, – возразил Женья. – Я точно помню.

– Статья не террористическая, а все вместе терроризм, – сказал Альбицкий. – Они же имеют в виду, что у них на скамье подсудимых члены Лиги.

– Но это не доказано никак! У Дудко вообще алиби.

– Понимаешь, Женя, я не юрист, а ты – юрист, но я столько на эти процессы посмотрелся! – сказал Альбицкий. – Не будут они ничего доказывать. Нельзя доказать то, чего не было. Зато можно написать «в неустановленном месте, в неустановленное время, с неустановленными сообщниками» обвиняемый совершил то-то и то-то. От неконкретного обвинения защищаться невозможно. Ну, как мы опровергнем неустановленное место, например? Да, допустим, накануне Геннадия Дудко не было в сервисе. А, кто сказал, что тормоза испортили в сервисе? Может он ночью на парковку прокрался и все испортил? Неконкретное время из той же оперы. Ну, не было его в сервисе накануне. Ну, и что. Может, заранее все испортил.

– Но это же невозможно в нормальном суде нормальной страны! – воскликнул Женя.

– Так мы, вроде, о России говорим, – хмыкнул Кирилл Иванович.

– Нас в университете учили совсем другому! Да, я видел политические процессы. Знаю, что фабрикует дела. Я не просто так в Лиге. Знал, что все плохо. Но не настолько же!

– Настолько, Женя, настолько, – вздохнул Альбицкий. – Более того, это еще ничего. Они хоть процедуру пытаются соблюдать, потому что процесс громкий. Бывает и похуже. Так что единственный суд, который сейчас есть в России – это Суд Присяжных Лиги. И нет в России больше никакого суда. А это не суд, а балаган.

Стадия процесса под названием «допросы свидетелей защиты» закончилась за полдня.

Обвиняемых обычно допрашивают последними. Можно, конечно, выступить раньше, но ни Дамир, ни его так называемые сообщники на это не пошли.

Первым допрашивали Яна.

Он встал, подошел к микрофону в аквариуме.

– Ян Александрович, вы состояли в так называемой Лиге Свободы и Справедливости? – спросила прокурорша. – Напоминаю, что организация запрещена в России.

– Да, – сказал Ян.

– Какова была ваша роль?

– Я был пиарщиком, меня и взяли как пиарщика в отдел пропагандистов. Надо было искать сочувствующих, рассказывать о Лиге, зондировать почву на предмет вступления, если человек к этому морально готов. В общем, кухонные разговоры за чашечкой кофе. Для меня было некоторой неожиданностью, что за это может грозить до двадцати лет.

– Раскаиваетесь в содеянном?

– Ни в малейшей степени!

– На предварительном следствии вы показали, что раскаиваетесь.

– Да? Я и не говорю, что никогда не сомневался. Конечно, были сомнения. Насилие же! Я только языком болтаю, но Лига убивает. Вопрос о допустимости насилия в борьбе с тиранией долго был для меня открыт. Даже, когда я работал агитатором Лиги. И мне хотелось услышать мнение людей, чтобы, наконец, решить эту дилемму.

– И что говорили люди?

– Я не буду отвечать на этот вопрос. Статья пятьдесят первая.

– А дилемма как? Решена?

– Да, решена. СБ помогло. Знаете такие методики: одна называется «звонок президенту», а другая «супермаркет». Очень помогают решать дилеммы.

– Вы, о чем?

– Незнакома терминология? Да, неужто? Первая – пытка электричеством, вторая – полиэтиленовый пакет на голову с нашатырем. Удушье гарантированно, причем очень болезненное. Я не выдержал и электричества. Да, не воин. Хипстер изнеженный. Пакет был на другом так называемом допросе, когда на меня вешали еще два убийства.

– Прокуратура проверила ваши заявления о пытках, но они не нашли подтверждения. Так что сейчас вы зарабатываете себе дополнительную статью о даче ложных показаний.

– Меня нельзя по ней привлечь, госпожа прокурор, я не свидетель, да и на фоне двадцати лет это булавочный укол. Так я про дилемму не закончил и про то, как она решена. Вот после того, как меня пытали, и заставили признаться в убийствах, которые я не совершал, я постиг полную и окончательную правоту Андрея Альбицкого.

– Вы хотите обвинения еще в одном эпизоде оправдания терроризма?

– А что мне на фоне пожизненного? Или вы для меня смертную казнь приготовили? И кто тогда здесь террорист? Вы прекрасно понимаете, что мы, сидящие здесь, в этом аквариуме – все невиновны. Вы – убийцы, а не мы!

Раздался грохот молотка судьи.

– Перерыв! – закричал он. – Обвиняемому надо успокоиться.

– Я совершенно спокоен, – заметил Ян. – Это вы не в себе, Ваше бесчестье!

– Еще одно такое высказывание, и вы будете удалены из зала суда! – заорал судья.

– Я? – переспросил Ян. – Из этого аквариума? Так я не против.

Перерыв был пятнадцать минут, и после него заседание продолжилось.

– Дамира пытали также, как меня. Пообщались. Неделью назад познакомились, здесь же. Прекрасный парень. Жаль, что раньше не знал.

– Вы не были знакомы?

– Разумеется, нет.

– Ваши показания противоречат тому, что вы говорили на предварительном следствии. «Еще хочу добавить, что ко мне обратился другой член Лиги Дамир Рашитов и предложил принять участие в подготовке убийства Анжелики Синепал», – зачитала прокурорша. – Чем вы объясняете это противоречие?

– пытками. Я вообще этого не говорил. Это записали следователи, а меня заставили подписать. Я даже не помню, что там было. И я уже отказывался от этих показаний. И еще раз подтверждаю свой отказ.

– Ладно, – сказала прокурорша. – Тогда по порядку. Вы отрицаете, что были ранее знакомы с Дамиром Рашитовым?

– Да, отрицаю. Да и где нам было познакомиться? Он – студент Вышки, я – пиарщик. Живем в разных районах Москвы. Он учится на бульварах, я работаю на Шоссе Энтузиастов. Где мы могли пересечься? История знакомства есть в моих показаниях, кстати? Или следователи поленились придумать?

Прокурорша полистала том у себя на столе и, видимо, ничего не нашла.

– Значит, поленились, – резюмировал Ян.

– Вы могли познакомиться по линии Лиги, – заметила прокурорша.

– Даже следователи СБ не делали подобных предположений. Члены Лиги не знают друга, и спецслужбы об этом прекрасно осведомлены. Вот, когда им спустили сверху приказ про то, что я должен подтвердить обвинение Дамира, они начали нести этот бред.

– Вы готовили яд для Анжелики Синепал? – спросила прокурорша.

– Я не разбираюсь в ядах, госпожа прокурор. И в тормозах тоже, если вы вдруг меня спросите об убийстве прокурора... не помню фамилии.

– Вы даже фамилии не помните?

– Увы! В СМИ видел, следователи говорили, но фамилии не запомнил.

– Вы раскаиваетесь в совершенных убийствах?

– При чем тут я? Как я могу раскаиваться или не раскаиваться в том, чего не совершал?

– У защиты есть вопросы к подсудимому? – спросил судья.

Встал Ставицкий.

– А, о чем здесь спрашивать? – поинтересовался он. – Ян очевидно не имеет к убийствам ни малейшего отношения.

И судья объявил обеденный перерыв.

После перерыва допрашивали Валерия Рекина, того самого закладчика, который объявил себя курьером Лиги.

– Валерий Семенович, вы подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии? – спросила прокурорша Бондарь после дежурных вопросов про имя и год рождения.

– Да, – кивнул он.

– В полном объеме?

– Да.

И слово перешло к стороне защиты.

– Когда вы познакомились с Яном Грановским? – спросил Левиев.

– Здесь, – сказал Валерий. – В аквариуме, неделю назад.

– Что вы говорите? – возмутилась прокурорша. – Вы же вместе работали. Это есть в показаниях.

– Да? – спросил Валерий. – Ну, может быть. Если в показаниях написано, значит так и есть.

– Как называлась фирма? – поинтересовался Левиев.

– Не помню, – сказал Валерий. – Я много где работал: где курьером, где грузчиком – всех и не упомнишь.

– Название «Волшебное слово» вам что-то говорит?

– По-моему, где-то слышал.

– Когда Ян Грановский впервые попросил вас сделать закладку? – спросил Константинов.

– Ян? Не помню. Мне обычно просто координаты приходили на телефон. Надо было достать товар, расфасовать, заложить в других местах и отправить координаты покупателям.

– Товар – это наркотики? – спросил Левиев.

Судья стукнул молотком.

– Вопрос снят как наводящий.

– Ладно, – кивнул Левиев. – Что был за товар?

– Вопрос снят, – отрезал судья.

– Вы никогда не были знакомы с теми, кто закладывал товар для расфасовки? – спросил Левиев.

– Вопрос снят, как наводящий, – сказал судья.

– Где Ян Грановский передавал вам товар? – спросил Ставицкий.

Валерий задумался.

– Не помню. А что там в показаниях написано?

– Давайте-ка без показаний! – призвал Константинов.

Встала прокурорша Бондарь.

– Прокуратура возражает. Свидетель подтвердил показания.

– Подтвердил, но не знает, что в них, – заметил Левиев.

– Ян привозил к вам товар домой? – спросил Константинов.

– Не помню, – сказал Валерий. – Посмотрите в показаниях.

– А там нет, – хмыкнул Левиев. – Там только «получал в запечатанном виде от Грановского». Ни «как получал», ни «где получал».

– Вы по почте посылки получали? – спросил Константинов.

– Не помню, – сказал Рекин.

– Вы знали, что в них? – спросил Левиев.

– Нет.

– Ну, наконец-то что-то конкретное.

– У защиты еще есть вопросы? – спросил судья.

– Да нет, – вздохнул Левиев. – Все ясно.

В тот же день, вечером был допрос Гены Дудко.

– Вы подтверждаете свои показания? – спросила прокурорша.

Глава 3

– Нет, – тихо сказал Гена.

– Нет? – переспросил судья.

– Следователь сказал мне, что все уже решено, что я попал, и мне не отвертеться. Что это дело государственное, и им приказали посадить по нему людей. И что им все равно, кого сажать. А, если я дам показания на Дамира Рашитова, они скинут мне срок, дадут ниже низшего за сотрудничество со следствием. А я помогу изобличить террориста. Показали ролик про Дамира, который был по телевизору. И я согласился.

– Вы еще скажите, что вас пытали! – заметила прокурорша Бондарь.

– Нет, меня не пытали. Пытали Дамира и Яна, и я им верю. Их также назначили виновными, как меня, – он посмотрел на судью. – Неужели вы этого не видите? Или вам тоже все равно, кого сажать?

– То есть вы утверждаете, что не имеете отношения к убийству прокурора Земельченко? – спросила прокурорша.

– Нет. Никакого. Я даже не помню этого клиента. У нас их много было. И «Лексус» не один. Помню одному батареею менял. Но если батарея барахлит, машина разгоняется плохо, а не через ограду моста сигает. А тормоза на «Лексусе»? Не помню такого вообще. У них больше царапины парковочные. Так что про убийства я ничего сказать не могу, потому что ничего о них не знаю.

– Мы просим суд разрешить стороне обвинения зачитать показания, данные подсудимым Дудко на предварительном следствии, – сказала Бондарь.

– Защита возражает! – вскричал Левиев. – Какой смысл зачитывать показания, от которых подсудимый отказался?

– Зачитывайте, – сказал судья.

И началась очередная занудная процедура бубнения по бумажке.

Гена вернулся на скамью подсудимых и сел рядом с Дамиром.

– Спасибо, – тихо сказал Дамир.

И протянул ему руку, точнее две, ибо наручники.

– Я виноват перед тобой, – сказал Гена, отвечая на рукопожатие.

– Ты не знал, – вздохнул Дамир.

«Можешь сейчас войти в конференцию? – писал Крис. – Надо поговорить».

«Да, могу», – ответил Женя.

Психолог появился на экране, и вид имел не самый радостный.

– Все плохо? – спросил Соболев.

– Плохо, да. Я подготовил твое Психологическое заключение.

– И?

– Женя, ты знаешь, что депрессия – это смертельная болезнь?

– Я не собираюсь выходить в окно.

– Пока. Но становится все хуже.

– Нет у меня никакой депрессии!

– Ты ее можешь не замечать. Поскольку у тебя ажитированная депрессия: тревога, страх и жажда бурной деятельности. Потому что ты винишь себя и очень хочешь все исправить.

– Да, – сказал Женя, – не спорю. А что в этом неправильного?

– Ваши с Альбицким методы. Я же знаю, как вы рванетесь "исправлять".

– Крис, при всем уважении, твои методы не работают.

Англичанин вздохнул.

- Еще ничего не решено.
- Я вижу к чему все идет.
- Поэтому тебе не стоит досматривать процесс.
- Сорвусь?
- Да, сорвешься. А стоит тебе немедленно, прямо сегодня, купить билет на самолет до Лондона и лечь ко мне в клинику. Деньги на дорогу есть?
- Я не буду этого делать.
- Я ждал этого ответа. Но, знаешь, горько смотреть, как человек гибнет. Я Андрею твое ПЗ переishлю?
- Конечно. Он его и хотел.
- Но я ему скажу все тоже самое.
- Угу.
- Тебе я скинул. Почитай на досуге.
- Угу.
- Андрей будет успокаивать твою совесть, говорить, что ты тут ни при чем, что Дамира судишь не ты, что ты сделал все, что мог. У Андрея большой опыт по усыплению совести – регулярно проделывает такую штуку со своей.
- Я виноват?
- Здесь непрямая связь. Представь себе, что ты поджег лес. Треск горящих деревьев, жар, вой огня, сплошная пелена дыма...
- А там чей-то дом, и он сгорел от моего пожара? Так?
- Не совсем. Так было бы, если бы кто-то дотронулся до программки, которую ты подложил Анжелике Синепал. Вероятность была не нулевая, но, к счастью, обошлось. Здесь другое. Представь себе свой пожар еще раз. Представил?
- Ну, да, – хмыкнул Женья. – Вой пламени, треск, клубы дыма и все такое.
- Молодец. А теперь представь, что некий "добрый самаритянин" толкает случайного прохожего в твой огонь.
- Зачем?
- Ну, мало ли, приказали. Не в этом суть. Конечно, если бы не тот "добрый самаритянин" случайный прохожий, назовем его, скажем, "Дамир", был бы жив. Но пожар запылил ты.
- Извини, Крис, но твоя аналогия страдает. Я не лес запылил, а стену тюрьмы. Да, может погибнуть кто-то из заключенных. Но теперь что, не трогать их стены? Не бороться? Забыть о свободе?
- Женья, это не стена. Стена вообще не там. И не в этом свобода. И все даже хуже, чем я думал...
- Что я такого сказал?
- Только то, что случайные смерти тебя не волнуют.
- Волнуют, к сожалению. Но это эмоции.
- Эмоции – не такая плохая вещь. Понимаешь, вы с Альбицким не там видите выход. Он не в том, чтобы перестрелять всех виновных. А в том, чтобы не заниматься поджогами.
- Угу! Не трогать стены, беречь кандалы и смиренно служить господам, ибо холопы.
- Женья, ты меня не слышишь. Я этого не говорил. Выбор не между бунтом и покорностью, а между стратегиями бунта.
- Бунты редко идут по плану.
- Если у бунта нет стратегии, он обладает только двумя хорошо известными в России свойствами: бессмысленностью и беспощадностью. И никогда не побеждает. Без стратегии мятеж остается мятежом и никогда не превратится в славную революцию.
- Ладно, ок. Мы не правы. Я это десять раз слышал.
- И больше слышать не хочешь? Так?

– Да, так.

Крис вздохнул.

– Андрей тоже все прекрасно понимает, но не хочет себе в этом признаваться. Надо же что-то делать, да? Нельзя покоряться и сидеть, сложа руки. А проще всего взять пистолет и кого-нибудь грохнуть. Так ведь?

– Не всегда это просто.

– Проще, чем думать. Женя, каждый раз, когда ты разрушаешь другого, ты разрушаешь себя. Сейчас уже есть жертвы и разрушения, а будут руины. Недолго осталось. Знаешь, такой термин "распад личности"?

– Я не наркоман.

– Бывает наркомания похуже героиновой.

Крис вышел на связь из кабинета своего дома в Лондоне. Андрей как-то у него был. Такой типичный английский дом, двухэтажный, но очень маленький. Уютно, но тесно. Зато Лондон, недалеко от Хэмптон-Корта, где земля золотая.

Прямо перед камерой стояла чашка чая и соблазнительно дымилась.

– Я карту твоего Жени посмотрел, – задумчиво начал Крис. – Ситуация плохая.

– Понятно, что не роскошная, – хмыкнул Альбицкий.

– Твоему Жене нужна коррекция, – сказал Крис, отпивая чай.

– Угу! – усмехнулся Альбицкий. – Мне тоже. Как и всем нам.

– Женя не безнадёжен.

– В отличие от меня, да?

– Сейчас не о тебе речь. К тебе мы еще вернемся. У тебя исполнитель может выйти из-под контроля. Обученный исполнитель, которого ты со товарищи натаскал убивать. И у которого все планки сорваны, все моральные запреты отброшены, который уже убивал. И не один раз. Больше никаких акций! И коррекция в обязательном порядке.

– Насколько велика вероятность, что он может повести себя, скажем так, неадекватно?

– Процентов восемьдесят.

– Что у него дрогнет рука, он как-то себя выдаст, у него сдадут нервы?

– Я даже слышать об этом не хочу... да, тоже самое.

– Женя этого не заслужил. Кроме нового завета, существует Ветхий, и там несколько радикальнее по отношению к преступникам. Понимаешь, иногда убийство не нарушение, а исполнение заповеди.

– Да, я понимаю, о чем ты. Но никто из тех, кого вы убили, не представлял непосредственной опасности для окружающих, их не надо было срочно останавливать. Так что насчет заповедей здесь спорно. Это, во-первых. Во-вторых, психокоррекция – не наказание, я устал говорить об этом.

– Угу, это просто так выглядит!

– Анджей, ничего, кроме моей клинки ему не грозит. Россия исключена из Интерпола, и по запросам вашей страны у нас уже лет тридцать никого не выдают. Кроме добровольного согласия тут вообще ничего быть не может.

– А потом тяжелые препараты.

– Да, не без этого. Ну, не надо было доводить до такой степени. Ненадолго тяжелые препараты. Ему много не надо.

– Женя просто переживает из-за Дамира.

– Слишком переживает. И ты его не удержишь. Пожалей парня. Отошли его ко мне, пока он еще готов тебя слушаться. Пока ты для него еще авторитет.

– И что ты с ним сделаешь?

– На ключ запру для начала.

– Как? Ему же ничего не грозит! Только что речь шла о добровольном согласии. Все преступления совершены за пределами Соединенного Королевства, он российский гражданин, и от его действий пострадали российские граждане на российской территории. И наша власть даже не хочет это признавать. Так что он вообще вне английской юрисдикции.

– Для психокоррекции – да, добровольное согласие. Начет ограничения свободы есть другое решение. Точнее будет. У нас в Парламенте лежит закон о потенциально опасных гражданах. Ничего страшного, конечно. Нельзя наказывать без вины. Нельзя против воли делать коррекцию без приговора. Но браслет наденут и будут контролировать, несмотря на всю экстерриториальность и неподсудность твоего друга. Для английских же граждан потенциально опасен.

– Для английских? Не думаю. У вас же суды нормальные, Крис. Пошлют тебя с такими предложениями.

– Зато у нас судьи не всегда выключают эмоции. Могут просто пожалеть.

– Принят кстати закон?

– Нет пока. Но будет. Нисколько в этом не сомневаюсь. До приговора Дамиру я Женю удержу. А там, с его замечательной картой, запрю, не сомневайся.

– Удивительно, что ты мне этого не предлагаешь.

– Уже предлагал. И мое предложение остается в силе. Просто у тебя состояние стабильно тяжелое, а у Жени экстренное.

– Хорошо, я подумаю. Относительно Жени.

Крис вздохнул.

– Надеюсь, что ты меня услышал.

Руслан Ермилов оказался программистом из Екатеринбурга. Очень таким типичным: полноватым, с круглым лицом и даже в очках.

Для подсудимых из столицы Урала поставили отдельную клетку, где их должны были допрашивать, причем, именно клетку, а не «аквариум». Туда Руслана и завели, так и не сняв наручники.

– Подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии? – спросила прокурор.

– Нет, – сказал Руслан.

И застенчиво улыбнулся.

– С чем связано то, что вы меняете показания? – спросила Елена Бондарь.

– С тем, что здесь меня слышит не только следователь, который их сочинил.

– Вы не отказывались от показаний.

– Теперь отказываюсь.

– Почему только теперь?

– Потому что до этого все мои отказы следователь рвал и выбрасывал в мусорное ведро.

– Но вы сознались в соучастии в убийстве губернатора! Показания подписаны вами?

– Подписаны мной. Правда, рука там не очень твердая.

– Вас что, напоили?

– Увы! Господа из СБ предпочитают методы подешевле. После дюжины ударов электрошокером уже совершенно пофиг, что подписывать.

– Следите за речью. Здесь суд!

– Суд выносит замечание подсудимому! – вмешался судья.

– Извиняюсь, – сказал Руслан. – Совершенно все равно, что подписывать.

– Вы не заявляли о пытках! – взвилась прокурорша.

– Теперь заявляю, – сказал Руслан.

– Почему только сейчас?

– Потому что ко мне не пускали нормального адвоката. А государственный сидел, как неживой и подписывал все, что скажет следователь. Знаете, после чего пустили?

Он поднял руки в наручниках, вывернул их ладонями к публике и сжал кулаки. Вдоль обеих рук, от запястий по предплечьям вились неровные длинные шрамы.

– Прекратите! – прикрикнула прокурорша.

– Почему? – невинно поинтересовался Руслан. – Что вам не нравится?

– Суд выносит вам замечание! – сказал судья и стукнул молотком. – Прекратите!

– Ну, что ж, – хмыкнул Руслан. – Не смею шокировать.

И опустил руки.

Дамир знал, откуда берутся такие шрамы и как их себе нанести. В тюрьме просветили. Это не очень опасно, если тебя не бросят умирать. Он знал, как сделать заточку и пронести ее в суд. В общем-то тоже не очень сложно, если карта не под мониторингом. А бывает и под мониторингом проносят, если психологу пофиг.

Штерну точно было не пофиг. Но и Дамиру пока не приходило в голову.

О попытке самоубийства Руслана он раньше не слышал. Значит, Штерн умолчал. Наверняка было громкое событие.

– Ян, а где Руслан вскрыл себе вены? – тихо спросил он. – В камере или на суде?

– На суде. Мне об этом писали.

– А я впервые узнал сейчас.

– Берегут тебя. А, может, цензура не пропускает.

Теперь этот выход казался Дамиру не таким плохим. На случай обвинительного приговора.

Допрос Руслана еще не был закончен.

– Так вы не признаете причастность к убийству губернатора Артюхова? – спросила прокурорша.

– Нет. К убийству этого гада не имею ни малейшего отношения. То, что он гад, вор и холуй, – да, писал, да, комментировал. Но к тому, что его траванули, – никакого.

– Следите за словами! – проорал судья. – То, что вы сейчас сказали подпадает под статью об оскорблении власти!

– Еще одну? Так меня за это и арестовали. Только оскорбление должно быть в нецензурной форме, Ваша честь. А холуй – слово литературное. То же, что лакей.

– «Холуй» – это вообще клевета.

– То есть он не был официально нанят лакеем этой власти? А говорили, что губернатор.

– В вам адрес суд вынесет частное определение, – заявил Кабанов.

– Выносите. Только если запретить называть гада гадом, вора вором, а холуя холуем – они ведь таковыми быть не перестанут. Или народ сам не видит, где гад, где вор и где холуй?

– Суд объявляет перерыв! – сказал Кабанов.

Дамир наблюдал за тем, как Руслана выводят из клетки, поймал его взгляд и показал большой палец вверх. Не ожидал он от уральского парня, который сначала во всем признался и все подписал, такого великолепного презрения.

Лена Мальцева из Екатеринбурга оказалась маленькой и живой: этакий лисенок с острым носиком и задорными глазками. Дамир всегда побаивался таких девчонок: отошлют и еще обсмеют.

Наручники с нее сняли.

– Елена Витальевна, вы подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии? – спросила Бондарь.

– Да.

– Полностью?

– Да.

– Вы были агитатором Лиги?

– Была и остаюсь.

– Вы участвовали в подготовке убийства губернатора Артюхова?

– Это есть в моих показаниях?

– Нет.

– Тогда, что спрашивать? Нет, конечно! Агитаторы Лиги не участвуют в акциях, это железное правило. Так же можно всю организацию спалить! Вы что, считаете нас сумасшедшими?

– Близко к тому, – заметил судья.

– Ну, не настолько! Да вам уже, наверное, Ян докладывал про структуру Лиги.

– Вы знакомы с Яном Грановским?

– Пока нет, но читала показания, когда изучала дело. Сейчас познакомлюсь: Ян, ты классный!

Ян улыбнулся.

– Что вы вытворяете? – спросила прокурорша.

– Как что? Знакомлюсь с сообщником. А что не так?

– Вы раскаиваетесь?

– В чем? В трепе или в убийстве? Во втором – никак не могу, ибо не при чем. А в первом... Можно я сказку расскажу?

– Какую сказку?

– Про Ивана-царевича.

– А без этого никак?

– Никак. Будет непонятно. Так вот пошел Иван-царевич за смертью кощеевой, что на конце иглы. Нашел иглу, кончик сломал, а тут его в суде и спрашивают: «Иван-царевич, вы раскаиваетесь?»

– Так вы же не причастны к убийству!

– Я рада, что по поводу личности жертвы у нас не возникло разногласий.

– Прекратите балаган! – прикрикнула прокурорша. – Отвечайте серьезно.

– Я совершенно серьезно. И сказка не про меня. Сказка про Женю Соболева, который признался в двух из убийств, в которых сейчас обвиняют тех ребят в «аквариуме». И все, я уверена, что все до одного в этом зале смотрели ролик с его признанием. Вот, ваша честь, вы, например, смотрели? – и она задорно взглянула на судью.

Судья молчал.

– Молчите, – сказала она. – Да, даже мы смотрели, подсудимые, которых отрезают от информации, как могут. Только правды не скрыть. И балаган здесь устраиваю не я.

– Суд объявляет перерыв, – прогнусавил Кабанов.

Лена сложила пальцы сердечком и улыбнулась Дамиру.

– Дамик, ты супер! – сказала она.

Дамира допрашивали на следующий день.

– Вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии? – спросила прокурорша.

– Я бы хотел сделать заявление, – сказал Дамир. – Ни к каким убийствам я не имею отношения. Все показания, где я в них сознаюсь, написаны следователями. Меня вынудили их подписать под пытками. Комментарий про «смелых ребят» я писал, и это единственное, в чем можно меня упрекнуть.

Жалею ли я о том, что написал этот комментарий? Да, жалею. Без него я бы не оказался здесь, меня бы не пытали, не обвинили в убийствах, не судили. Жил бы себе спокойно, наверное.

Был ли я прав, когда это писал?

С одной стороны, в тюрьме я научился ценить любую человеческую жизнь, даже не самых лучших людей.

С другой, я понял, на этом суде опасность лжи. Анжелику Синепал убили за ее ложь. Заслуженно ли это? Это же только слова! Но ложь убивает. Это слишком хорошо видно весь процесс. И, возможно, она убьет меня.

Подходила к концу вторая неделя суда. В четверг судья смиростивился и сделал перерыв. В пятницу снова читали показания, и наконец прокурорша Елена Сергеевна Бондарь заявила, что все: прочитано.

Следующая стадия процесса: прения сторон.

Началась с выступления прокурорши, где она должна была запросить сроки для подсудимых.

Глава 4

Прокурор Бондарь Елена Сергеевна встала, опустила глаза в стол и начала читать по бумажке.

– Сторона обвинения считает, что показания Дудко Геннадия Юрьевича на предварительном следствии логичны, непротиворечивы и полностью соответствуют действительности, а его отказ от показаний в суде объясняется попыткой уйти от ответственности, просит суд признать его виновным в участии в деятельности запрещенной в России террористической организации Лига Свободы и Справедливости и соучастии в убийстве прокурора Земельченко и полковника СБ Немирова, что полностью подтверждается материалами дела. Мы просим суд приговорить его к шестнадцати годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Дамир посмотрел на Гену: бледное лицо, закушенная губа, руки, сжатые в кулаки. Дотронулся до его плеча скованными руками.

– Они умрут раньше, Ген. Ты выйдешь. Ты смелый отличный парень. Спасибо тебе.

– Сторона обвинения считает показания на предварительном следствии Грановского Яна Александровича логичными и непротиворечивыми. Его заявления о пытках проверялись следствием, но не нашли подтверждения. Его отказ от показаний в суде мы считаем обусловленным попыткой уйти от ответственности. Сторона обвинения просит суд признать Грановского виновным в членстве в запрещенной в России террористической организации Лига Свободы и Справедливости и соучастии в убийствах Синепал Анжелики Геннадиевны, прокурора Земельченко Александра Станиславовича и судьи Беленького Эдуарда Васильевича. Мы просим суд приговорить Грановского Яна к двадцати пяти годам лишения свободы в колонии строго режима.

– Я знаю, что они умрут раньше, – тихо сказал Ян и взглянул на Дамира.

Было страшно видеть улыбку на его бледном лице.

– Сторона обвинения считает показания Рекина Валерия логичными, правдивыми и непротиворечивыми. Учитывая его сотрудничество со следствием и роль пособника в убийстве Синепал Анжелики и Беленького Эдуарда, обвинение просит суд приговорить его к восьми годам лишения свободы в колонии общего режима.

– Восемь лет! – прошептал Валера. – Как восемь лет?

Интересно, что ему обещал следователь, думал Дамир, штраф за хранение наркотиков что ли?

Голос прокурорши стал совсем тихим, так что стало трудно разобрать слова. А уши и щеки начали краснеть.

– Обвинение считает показания Рашитова Дамира Ринатовича, данные на предварительном следствии, логичными, правдивыми и непротиворечивыми. Его заявление о пытках было проверено следствием и не нашло подтверждения. Изменение показаний экспертом Медынцевым Алексеем Матвеевичем обвинение считает обусловленным страхом мести со стороны запрещенной в России террористической организации Лига Свободы и Справедливости. Первоначальные психологические заключения о причастности Дамира Рашитова к убийствам обвинение считает логичными и обоснованными. Отказ Рашитова Дамира Ринатовича от показаний мы считаем попыткой уйти от наказания. Учитывая исключительную тяжесть совершенных преступлений и число эпизодов обвинение просит суд приговорить Рашитова Дамира Ринатовича к ...

Голос прокурорши стал совсем тихим, так что Левиев не выдержал.

– К чему, к чему? – повторите, мы не расслышали.

– К смертной казни, – чуть громче повторила прокурорша и опустилась на стул.

Сердце Дамира упало куда-то вниз, он привалился к стене и попытался сделать вдох. Дыхание перехватило.

Он почувствовал, как Ян взял его руку.

– Это еще не приговор, – сказал он. – Это только запрос сроков.

– Я их не переживу, – с трудом выговорил Дамир.

– Дамир, это еще не приговор, это только запрос сроков, – сказал Олег Николаевич.

Было около полуночи, но Штерн задержался после конца рабочего дня.

Пришел к Дамиру в камеру, поставил на стол нечто в запечатанной пластиковой тарелке, явно неместного происхождения.

– Это долма, заказал для вас, поешьте, пока горячая.

– Татарин, значит, люблю долму?

– Я сам ее люблю. Вот сметана.

Всю дорогу до Центра Дамир сдерживался, чтобы не разрыдаться. Тесный, душный автозак, и всем не кайфово. Народ уже знал, пытался поддержать, подбодрить, пожать руку. Но тяжело было даже благодарить. Он только кивал в ответ.

Есть не хотелось совсем.

– Дамир, я принес успокоительное, – сказал Штерн. – Медынцев разрешил.

– Он еще что-то решает?

– Уже недолго. Передает дела Волкову.

– А, Волков! Еще один мерзавец...

Штерн открыл долму, распаковал пластиковую вилку.

– Вам только кажется, что не хочется есть. Вы очень устали.

Дамир молчал и кусал губы.

– Вы не сдерживайтесь, – сказал Штерн. – Плачьте. Я же не товарищ по скамье подсудимых или автозаку, пред которым надо изображать героизм. Я врач.

– Олег Николаевич, – с трудом выговорил Дамир. – Очень вас прошу: уходите. И не надо никаких таблеток.

Штерн вздохнул, наскоро сделал чай.

Положил на салфетку две маленьких белых таблетки без упаковки.

– Можете выбросить, но лучше выпить. Хоть поспите.

Вызвал охрану.

В замке проскрежетал ключ, поворачиваясь дважды. Дверь приоткрылась, и Штерн вышел из камеры.

Разница во времени между Веной и Москвой два часа. Когда в Военном суде в Москве запросили сроки подсудимым, в Вене было восемь вечера.

Женя напросился к Андрею на чай.

– Да, залетай, – сказал Альбицкий. – Обсудим последние события.

Кирилл уже был там.

Солнце клонилось к закату и зажигало оранжевым окна мансарды на другой стороне улицы. В комнате сгущались сумерки, и Андрей включил свет.

Зашумел чайник.

Женя подошел к столу, встал напротив майора, опираясь на спинку стула.

– Мы будем ждать, когда его расстреляют? – спросил он.

Кирилл вздохнул.

– Мы внесли ее в список, – сказал Альбицкий. – Зайди на сайт.

Женя сел, зашел с телефона.

– И где?

- Посмотри раздел: «Ведется следствие».
- А, нашел. Бондарь Елена Сергеевна. Андрей, ну, какое следствие! Все ясно до предела.
- Ничего не ясно, – возразил Андрей. – Мы понятия не имеем, на каком крючке она висит.
- Детей у нее в заложники захватили? Мужа пытаются? Не верю!
- Проверим, – сказал майор.
- Я тоже не очень верю, – заметил Альбицкий. – Скорее всего, просто приехала девушка из провинции в Москву и идет по головам, завоеывая столицу. Может, квартиру посулили, может, премию, может должность. Но мы не должны им уподобляться, Жень. Нам не все равно, кого казнить.
- Она запросила смертную казнь для парня, про которого совершенно точно знает, что он невиновен! – сказал Жень. – Что тут еще обсуждать?
- Ну, во-первых, приговора еще не было, – сказал Андрей. – Суд может не утвердить смертную казнь. И тогда она сволочь, конечно, но не для нашего списка.
- Я считаю, что акция должна быть до решения суда, – сказал Жень. – Тогда судья подумает, какой выносить приговор.
- Смеешься? – спросил майор. – Остались выступления адвокатов. Это один-два дня. Ничего не успеем подготовить.
- И оснований пока недостаточно, – отрезал Альбицкий. – Будет еще апелляция, потом кассация. На пару месяцев точно этой судебной волокиты. Время есть.
- Она так краснела, когда читала, – усмехнулся Кирилл.
- И что мне до ее стыда? – поинтересовался Жень. – Это что-то меняет? Стыдно ей! А потом, когда ее будем судить мы, эта тварь переобуется в воздухе и будет рассказывать, как она не хотела, как ей было тяжело, как и ее заставили и как она себя изнасиловала.
- Будет, – сказал Альбицкий. – Если доживет.

Адвокаты выступали в понедельник. Дамир даже немного воспрянул духом. Приятно с утра до вечера слушать, как тебе спокойно, умно и аргументированно доказывают, что ты невиновен. Он готов был подписаться под каждым словом. И мечтал заменить судью на Константиного, или Левиева, или хотя бы Ставицкого.

Выступления адвокатов транслировали оппозиционные СМИ. Вечером Штерн показал ему трансляцию. Таблетки его Дамир выбросил в мусор просто из принципа, но ночью заснуть не смог. И две следующие ночи – тоже. Так что половину выступлений проспал, привалившись к стене «аквариума».

На этот раз вместо долмы был борщ в такой же ресторанной упаковке и цыплячья ножка на второе. Было немного легче, и Дамир поел.

- Спасибо, Олег Николаевич. Но мне бы немного свободы и еще немного жизни.
 - Бондарь внесли в список Лиги, – тихо сказал Штерн.
 - Я, видимо, тоже в каком-то списке. Как бы мне из него выписаться?
- Олег вздохнул.
- Все равно передайте Альбицкому мою благодарность, – добавил Дамир.
- Во вторник были последние слова подсудимых.
- Я не жалею, что состоял в Лиге, – сказал Ян. – Они единственные дают хотя бы надежду на справедливость. Но ни к одному из убийств я не причастен.
 - Я непричастен к убийству прокурора, – сказал Гена Дудко. – И ничего об этом не знаю.
 - Здесь много было сказано о моей невиновности в убийствах, и я не буду повторять аргументы адвокатов. К убийствам я не имею никакого отношения. Комментарий о "смелых ребятах" я писал и никогда этого не отрицал. И, если бы не остальные обвинения, я бы, наверное, сейчас каялся, убийц же похвалил – ничего хорошего. Вопрос только в том, насколько

правильно посадить человека на семь лет за неосторожное и необдуманное слово. Да, я понимаю, что не суд законы пишет.

Но потом меня пытали, заставили признаться в убийствах, сфальсифицировали карту. И все несколько изменилось. Сначала была злость на Лигу, их же преступления на меня повесили, если бы они не убили Анжелику Синепал, и ко мне бы не было претензий. Но не они же вешали! Альбицкий сразу сказал, что я не при чем. Наша власть его не услышала, но все равно, спасибо.

А потом было выступление Жени Соболева. Я его видел. Не буду говорить ни как, ни, кто показал, но я его видел. Я тогда так обрадовался, я думал, что меня тут же отпустят. Ну, как? Найден же реальный убийца. Парень сам признался, все рассказал, готов сдаться. Я был ему благодарен безмерно. Но наша власть и его не услышала или не захотела услышать. И в моей жизни ничего не изменилось.

Потом, уже здесь, на суде, выступил Медынцев, психолог, который подделывал заключение. Я помню его выступление по телевизору, когда он говорил о моей виновности, опустив глаза. И помню его выступление здесь, когда он решился сказать правду. Не знаю, почему решился. Может быть, и из-за страха перед Лигой. Но вы, Ваша Честь, вы же опытный человек, вы рассматривали сотни дел, и я не сомневаюсь, что вы умеете отличать правду от лжи. И для вас также очевидно, как и для меня, что именно здесь, на суде, Медынцев сказал правду.

Мне говорили, что приказ идет с самого верха, и здесь никто ничего не решает, кроме национального лидера. Я не верю, что он не в курсе дела и не следит за процессом. И хочу обратиться к нему. Господин президент, зачем я вам? Зачем вам моя жизнь?

Я не из Лиги. Я написал глупость, наверное, вы считаете, что за это можно убить?

Я не пытаюсь разжалобить, я просто хочу понять.

Уважаемый суд, теперь вам. Я прошу оправдать меня по всем эпизодам убийств и по статье об участии в террористической организации. Относительно оправдания терроризма, как скажете. На ваше усмотрение.

Перед приговором судья объявил перерыв до четверга, для подготовки решения.

Для Дамира это вылилось еще в две бессонные ночи.

Середина июня. Раннее утро. Еще холодно. Четверг.

Дамир успел вдохнуть этого воздуха, когда его выводили к автозаку из Лесногородского Центра, потом еще раз, уже потеплевшего и влажного от дождя, когда его выводили из автозака и вели суд.

Наручники не сняли. Более того, теперь и остальных оставили в наручниках.

– Это из-за приговора? – спросил он у Яна.

Тот кивнул.

– Да, меня Ставицкий предупредил.

Им приказали встать.

– Второй Западный окружной военный суд установил, – начал читать судья, – что Рашитов Дамир Ринатович и Грановский Ян Александрович организованной группой по предварительному сговору совершили убийство Синепал Анжелики Геннадиевны, что полностью подтверждается материалами дела....

Дамир оперся на стекло «аквариума», чтобы не упасть. Их признавали виновными. По крайней мере, его и Яна. Но это только начало.

Судья подробно рассказывал, как они это замыслили, как договорились, и что их отказ от показаний не следует учитывать. От речи прокурорши отличалось только структурой и количеством подробностей. От обвинительного заключения, кажется, не отличалось совсем. Словно и не было суда, не было ролика с признанием Евгения Соболева, отказов от показаний, признания Медынцева, аргументов адвокатов и заявлений о пытках. Последние, впрочем, были. Но проверены и не подтвердились.

– Рашитов Дамир Ринатович и Грановский Ян Александрович, – продолжил читать судья, – организованной группой по предварительному сговору совершили убийство судьи Беленького Эдуарда Васильевича, что полностью подтверждается материалами дела...

И снова бесконечные выдуманные подробности.

– Ян, он так о каждом эпизоде будет читать?

– Да, – сказал Ян.

Виновными признавали всех. В том числе Гену Дудко в убийстве прокурора Земельченко и Валерия Рекина в пособничестве, и всех, кроме Валерия, – в участии в деятельности запрещенной террористической организации. Причем Дамира назначили организатором и не забыли и уральского губернатора, фамилию которого он едва помнил.

Все, как просила прокурорша.

Судья читал приговор весь день с перерывом на обед, когда можно было хотя бы сесть на скамью, чтобы передохнуть.

После перерыва продолжил. И чем дальше он читал, тем тише становился его голос, невнятное речье и неразборчивее слова.

К вечеру добрался до сроков.

– Грановскому Яну Александровичу по совокупности преступлений путем частичного сложения сроков назначить наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии строго режима сроком на 24 года. Дудко Геннадия Юрьевичу – сроком на 14 лет, Рекину Валерию Семеновичу – сроком на 6 лет и Рашитову Дамиру Ринатовичу – назначить наказание в виде смертной казни.

– Я правильно услышал? – тихо спросил Дамир Яна. – Смертная казнь, да?

Тот промолчал и попытался скованными руками поддержать товарища за локоть.

– Я не упаду, – сказал Дамир. – Я держусь, Ян.

– Это только суд первой инстанции, – сказал Олег Николаевич, наливая чай. – Будет апелляция, потом кассация.

– Меня от вас увезут? – спросил Дамир.

– Пока нет. До апелляции считается, что приговор не вступил в законную силу.

– А потом?

– Потом по результатам апелляции.

– Нацлидер смирится?

– С ним иногда бывает, Дамир. Без всякого сарказма. Он как-то одного человека даже к умирающей матери отпустил.

– Видимо, давно было.

– Давно, но тот человек был откровенным его врагом, а вы ведь совсем не при чем.

– Думаете, он это понимает?

– Нисколько не сомневаюсь. Он же не дурак.

– А если приговор устоит в апелляции?

– Если устоит смертная казнь?

– Да.

– Тогда увезут.

– В Лефортово?

– Да.

– Сколько мне осталось?

– До апелляции около месяца. Но потом еще кассация.

– Месяца два?

– После кассации можно жаловаться в Верховный суд, потом в президиум Верховного суда...

Дамир смотрел вопросительно.

– Полгода, – сказал Штерн. – При самом плохом раскладе.

– Это будет уже зима, да?

– Дамир, все еще не окончательно. Еще есть шансы.

– Зачем вы даете мне надежду?

– С надеждой легче, Дамир.

– Даже, если она тщетна?

У Олега ком подступил к горлу.

– Всегда, – с трудом выговорил он.

И добавил:

– Судья Кабанов в списке.

– Олег Николаевич, для меня не так уж важно, что будет после моей смерти, отомстят за меня или нет. Я этого уже не увижу.

Зазвонил телефон. Номер Альбицкого.

– Женья, отец Дамира в Австрии, здесь, в Вене. Мы договорились о встрече. Думаю, тебя он тоже захочет видеть.

– Когда?

– Сегодня в шесть.

И Андрей скинул адрес.

– Лучше возьми такси. Это довольно далеко от центра.

– Он, смог договориться?

Глава 5

– Жень, все при встрече, – сказал Альбицкий.

Женя положил трубку.

До шести еще часа два.

Вернется ли он сегодня обратно? Где окажется после встречи?

Его обменяют на Дамира? Неужели это последний в его жизни июнь?

Было душно и тяжело дышать.

Он оделся, взял "Чезет", накинул не очень нужную в такую жару ветровку только для того, чтобы не демонстрировать оружие. Ибо незаконно.

И пошел гулять по городу. Забрел в парк с часами в виде клумбы, прудом с изогнутыми берегами и золотой статуей Штрауса.

Он почти не видел города, по домам сидели, опасаясь, что их узнают, прячась от камер видеонаблюдения, которых здесь не меньше, чем в Москве. Австрийцы не выдадут – да, но в любую систему можно залезть.

По пруду плавала пара белых лебедей и утки, их кормили мамочки с детьми. Цвели по берегам местные кусты белым и красным, ивы тянули тонкие ветви к воде.

Пахло розами и вербеной.

Женя сел на скамейку у пруда.

Вот так бы и сидеть здесь до скончания века, и больше ничего не надо. Зачем он во все это ввязался? Борец за справедливость! Зачем убивал? Зачем предложил свою жизнь взамен чужой. Кажется, только теперь он понял, насколько серьезное заявление сделал в том ролике с признанием.

Зазвонил телефон.

Альбицкий.

– Женя ты далеко? Не опаздывай!

– В парке. Да. Сейчас возьму такси.

Ресторан, где была назначена встреча располагался в шестнадцатом районе Вены, у последней станции метро.

Официантка в национальной одежде – платье с длинной зеленой юбкой и рукавами – фонариками – провела Женю в отдельный зал. За длинным деревянным столом уже сидел Альбицкий и напротив него Кирилл Иванович.

Женя сел рядом с Альбицким.

Рината Рашитова еще не было.

– Знаешь, кто владеет? – спросил Кир. – Одна моя старая знакомая из Харькова. Так что не побеспокоят. И камер здесь нет.

– Национальный австрийский ресторан! – хмыкнул Андрей.

Заказали по шницелю и местное красное вино.

– Не увлекайтесь, – разговор серьезный.

Жене есть не хотелось, хотя пах шницель великолепно.

Но ком горло не лез. Только чуть-чуть пригубил вино.

Играла негромкая музыка в стиле «Фолк».

Отец Дамира появился в пять минут седьмого. Сел рядом с Киром, напротив Андрея.

Гостю налили вина.

– Вот Женя Соболев, – представил Альбицкий.

Ринат кивнул.

– Я помню.

– Вы смогли договориться об обмене? – спросил Андрей.

– Не совсем. Но сдвинулось с мертвой точки.

Альбицкий посмотрел вопросительно.

Ринат поставил руки на локти, сцепил пальцы, оперся на них лбом.

– Дайте мне немного прийти в себя, – тихо сказал он.

– Конечно, – кивнул Андрей.

Кир не спускал с Рината глаз. Гость был как-то напряжен, так, что даже Женя заметил. Впрочем, что тут удивительного? Он же понимает, с кем разговаривает.

Рашитов потягивал вино, но ничего не ел.

– Переговоры ведет Стасов, – наконец, сказал он. – Мой старый партнер по бизнесу. Вместе работали когда-то. Сначала Главный вообще ничего не хотел слышать. Но Стасов предложил ему один вариант. Но это только для Андрея Аркадьевича.

Он взглянул на Альбицкого.

– Можем мы поговорить наедине?

– Жень, пойдی погуляй, – сказал Андрей.

Женя встал.

– Совсем наедине, – сказал Ринат.

– Кирилл Иванович отвечает за мою жизнь, – сказал Альбицкий. – Так что не может совсем нас покинуть. Максимум отойти метров на пять, чтобы не слышать, о чем мы говорим.

– Это подойдет, – кивнул Ринат.

– Можно мне с Кириллом Ивановичем? – спросил Женя.

– Хорошо, – согласился Андрей.

Они отошли в деревянную галерею, шедшую по периметру зала и оперлись на балюстраду.

Из-за музыки действительно ничего не было слышно.

Майор достал пистолет, но взял его так, чтобы Ринат не мог его видеть за перилами.

Женя вопросительно посмотрел на Кира.

– Не мешай! – сказал майор. – Наш гость что-то очень напряжен...

Гость что-то писал на телефоне. Потом поднял голову, посмотрел на Альбицкого. И неслышный разговор продолжился.

У Андрея зазвонил телефон.

Он встал, отошел на пару метров.

Взял трубку. Музыка заглушила его ответ.

Он пожал плечами и направился обратно к столу.

Вдруг майор подпрыгнул и перескочил через балюстраду. За пару секунд оказался за спиной Рината и приставил ему к затылку пистолет.

– Только ничего не ешь и не пей! – бросил Альбицкому.

– Не учи ученого, – хмыкнул Андрей, вынимая пистолет и уходя в сторону.

Женя выхватил свой «Чезет» и направил на Рината.

– Оружие на стол, – скомандовал Кир дамирову отцу.

Тот вынул ПМ левой рукой и положил на стол. Пистолет тут же перекочевал к майору.

– А в правой что? – поинтересовался майор.

Ринат разжал правую руку, и на салфетку упала маленькая вскрытая пробирка с остатками металлического порошка серебристо-белого цвета.

– Угу! – сказал Альбицкий. – Отправим на экспертизу.

– Встаньте, Ринат Ильясович, – приказал Кир. – Пиджак снимите. А то жарко, право.

Рашитов подчинился, и майор его наскоро обыскал.

Другого оружия у Рината не оказалось.

– Ладно, садитесь, – разрешил Кир.

– А вот теперь откровенно поговорим, – сказал Альбицкий.

Женя вернулся с галереи и встал у колонны в полутора метрах от стола, не убирая пистолет.

– Кто тебе звонил? – спросил Андрея майор.

– Ошиблись номером, – усмехнулся Альбицкий.

– Слили уже номер СБ, Ринат Ильясевич? – поинтересовался Кир.

– Вы меня убьете? – спросил Ринат.

– По результатам собеседования, – ответил Андрей, садясь напротив и отодвигая в сторону недопитое вино и недоеденный ужин. – Главный приказал меня убить?

– Мне передал приказ Стасов, – тихо сказал Ринат.

– Это детали, – отрезал Альбицкий. – Что обещал взамен?

– Пожизненное заключение для моего сына.

Андрей вздохнул.

– Да, отличная плата за убийство, ничего не скажешь.

– Андрей, ты ему веришь? – спросил майор.

– Да, я ему верю. На оправдание не расщедрился значит?

– Стасов сказал, что оправдание невозможно, – вздохнул Ринат. – Это дискредитирует суд.

– У нас суды не ошибаются, – хмыкнул Кир.

– Их можно чем-то дискредитировать? – спросил Андрей.

– Если будете стрелять – стреляйте, – сказал Ринат. – Мне все равно жизни нет.

– Мне очень жаль вашего сына, – сказал Альбицкий. – Он – заложник. И взяли его заложником не мы. Диктатор мог захватить любого другого и шантажировать нас, играя на нашем благородстве. Ваш главный переоценивает мою роль. Лига давно может функционировать без меня. Да, притормозит немного, но не более. Моя смерть почти ничего не изменит, но этот подарок я ему не сделаю.

Ринат был смертельно бледен и тяжело дышал.

– Не тяните, – сказал он.

– Не тяну, – кивнул Альбицкий. – Передайте вашему Главному, что у меня к нему другое предложение. Если смертная казнь вашему сыну не будет приведена в исполнение, мы обещаем, что он умрет своей смертью. И пока Дамир жив, мы не тронем никого из его мерзавцев. Но если с Дамиром что-то случится – пусть не ждет от нас пощады. Надеюсь, вы ему передадите.

– Ты его отпускаешь? – спросил Кирилл Иванович.

– Да, я его отпускаю. Идите домой, Ринат Ильясевич.

– Что теперь? – спросил Женя, когда Ринат ушел.

– Меняем симки, собираем вещи и покидаем страну, – сказал Альбицкий.

– Куда? – спросил майор.

– В Лондон.

– Андрей, по-моему, ты неправ, – заметил Кир.

– По поводу моратория? По делу Дамира я давно его объявил. Теперь официально. Не сомневаюсь, что этой старой мрази передадут.

– Мы даем им форму во времени.

– Это не значит, что мы будем сидеть, сложа руки. Будем готовить группы на случай, если этот гад не примет наши условия. И если они убьют парня, задействуем все одновременно.

– Андрей, эти двое мои, – сказал Женя. – Судью и прокуроршу я имею в виду.

– По ним еще нет решения Присяжных Лиги. Там посмотрим.

Симки сменили еще по дороге, в ближайшем салоне связи. Там же переписали инфу на новые.

Взяли такси: одну машину на троих. Роботизированную без водителя. Просто загрузили адреса в систему, вел автопилот. Сначала вышли Кир с Андреем, Женя жил немного дальше.

Он не ел с утра. В ресторане сначала не хотелось, потом все было отравлено, так что хозяйка по совету Кирилла все выкинула на помойку и вылила вино.

Так что теперь Жене зверски хотелось есть, и он заказал себе пиццу прямо из машины. Понял, что не может расплатиться онлайн, ибо новая симка. И выбрал оплату по карте.

За такси тоже расплатился картой.

Вышел и понял, что к пицце нет ничего попить. Напротив его студии, на другой стороне улицы, был магазинчик, который Женя ценил за живых продавцов и теплую атмосферу.

У кассы сидела девушка, черненькая, с огромными глазами, высокой грудью и милой улыбкой, что придавало магазину дополнительное очарование. Он взял из холодильника две бутылки швепса «Лимон», поставил на прилавок и приготовил карту.

И тогда позвонили из пиццерии.

Говорили по-немецки, и он включил автопереводчик.

– Вы дома? – спросили его. – Нашему курьеру никто не открывает.

Заставлять ждать курьера, даже железного, было неудобно, он не одному ему пиццу развозит.

– Пусть оставит у двери, – ответил Женя по-английски. – Я сейчас расплачусь.

Там немного зависли, потом, видимо догадались включить автопереводчик и спросили:

– Что?

Женя повторил.

– И продублируйте мне номер для оплаты на телефон.

– Фройляйн, – обратился Женя к девушке за кассой и улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ.

И включила автопереводчик, Женя был здесь не впервые, а по-английски фройляйн понимала мягко говоря, не идеально.

– У меня к вам просьба, – продолжил Женя. – Я сменил симку и не могу расплачиваться с телефона. Можете заплатить за мою пиццу, а вы столько же спишете с моей карты?

– Ок, – сказала фройляйн и взяла у него карту и телефон.

Хрен ее знает, как она это собиралась через бухгалтерию провести...

– Минуту, – сказал Женя, ушел вглубь магазина и принес упаковку бельгийского шоколада.

– Это вам, – сказал он. – Спишите с моей карты.

Девушка улыбнулась.

– Данке.

И вернула карту и телефон. Он загудел и выдал сообщение от пиццерии: «Спасибо за оплату».

Женя прихватил бутылки швепса и вышел на улицу.

До дома было метров пятьдесят.

Ранние сумерки. Синий час. Прохладно. Пахнет шашлыком и шаурмой из арабской кафешки.

Зазвонил телефон.

Женя со вздохом поставил бутылки на подоконник витрины и взял трубку.

Альбицкий.

– Женя, Кирилл заметил слежку около нашего дома. Говорит, что, возможно, от ресторана следили. Так что будь осторожен, посмотри по сторонам прежде, чем в дом заходить, вспомни, чему тебя учили. За ручку двери берись только носовым платком или салфеткой в два-три слоя. С собой бери только самое необходимое. Если заметишь хотя бы минимальные

следы проникновения в квартиру – ничего не бери. И поторопись! У нас самолет через два часа, мы должны успеть к концу регистрации.

Ни салфеток, ни носовых платков у Жени с собой не было. Так что он нырнул в ближайшую аптеку и купил бумажные и платки и, на всякий случай резиновые перчатки. Загрузил это все в бумажный пакет с ручками, ужасно жалея об остывающей у него под дверью пицце.

Вышел на улицу и, пошел к пешеходному переходу.

Раздался грохот и звон стекла. Он поднял голову: с верхнего этажа дома через улицу, из окон его студии вырвалось пламя и клубы дыма.

Женя отступил на шаг, к витринам. Высыпали на улицу арабы из кафе, аптекарь и милая девушка из магазина.

Пожар разгорался, огонь ревел и рвался вверх к крыше, обугливая стеклопакет. Запахло жженым пластиком.

Женя позвонил Альбицкому.

– Знаю, – сказал он. – Уже в новостях. Ты уверен, что это у тебя?

– Да. Мои окна. Видимо бомба была в коробке для пиццы. Я заказывал пиццу.

– Благодарю бога, если веришь. И пулей в Хитроу. Мы будем тебя ждать.

Они остановились в гостинице недалеко от Кенсингтонских садов. Место не самое дорогое, но и не дешевое. А что в Лондоне дешево?

В субботу Крис пригласил к себе.

– С тобой хочет познакомиться один наш профессор, – сказал он Альбицкому. – Можно мне его пригласить?

– Наш – это из Оксфорда?

– Да.

– Что за профессор?

– Игорь Юрьевич Бутицкий. Никогда не слышал?

– Кажется, что-то знакомое. Просто читает у вас лекции или эмигрант?

– Политбеженец.

– В шпионаже обвинили?

– Нет, он историк.

– Дожили! Что за дела у СБ к историку?

– Он историк «Народной воли».

– А! Кажется я его читал. «Истоки и идеология русского терроризма»?

– Да.

– Объясни ему, что я не террорист.

– Вот и подискутируете. Или мне его послать?

– Нет. С удовольствием познакомлюсь. И подискутирую.

– Только я сейчас не в Лондоне. До Оксфорда доедете?

– С удовольствием. Давно мечтал побывать.

От Лондона до Оксфорда ехать чуть больше часа. Только микроскопические европейские масштабы мешают воспринимать его как дальний пригород.

Приехали как раз к обеду.

Трех-четырёхэтажные средневековые домики, увитые плющом до крыш, здания факультетов, похожие на средневековые замки или готические храмы.

Любая магическая академия должна выглядеть именно так. С Оксфорда, похоже, и списаны все магические академии.

Женя явно наслаждался ситуацией и с любопытством смотрел по сторонам.

– Хотел бы здесь учиться? – спросил Альбицкий.

– Вряд ли это возможно.

– Почему нет? Здесь, конечно, подороже, чем в Праге или Вене, но Дубов оплатит, думаю. Только чтобы вырвать человека из Лиги.

– Если только Дамир останется жив, а наш мораторий станет бессрочным, – сказал Женя.

– Очень на это надеюсь, – кивнул Андрей.

– Зря надеешься, – подключился к беседе майор. – Они устроили перестрелку в Праге, потом тебя пытались отравить, Женку чуть не взорвали, а у нас все мораторий?

– Они меня до этого пытались отравить, – заметил Альбицкий. – Когда взрывали студию Жени, думаю, еще не знали о моем предложении. Уж, не говоря о Праге. Так что мораторий.

– Сколько еще своих похороним? – спросил Кир. – Еще для десятка акций все готово, а мы сидим и ждем. Одни разговоры!

– Мы не можем забывать о случайных людях, которые могут пострадать.

– Дамир там не по нашей вине, мы его не задели осколком, в него не попала наша пуля, и мы его не подставляли. Вина здесь полностью на них. А случайные люди всегда страдают, Андрей. Это война!

– Кир, тебя заносит, извини. Если так рассуждать, следующий этап – это тротил и гексоген. И плюнуть на то, сколько людей пострадает. Зато куда эффективнее пуль и ядов.

– Я этого не говорил, – сказал майор. – Я не призывал к взрывам. Я просто считаю, что нельзя прекращать борьбу.

– Не прекратим, не беспокойся.

Они подошли к высокой готической колонне, украшенной скульптурами.

– Памятник англиканским священникам, сожженным при Марии Кровавой, – сказал Андрей. – Все-таки приятно, что не только у нас ставят памятники жертвам репрессий.

– А когда Мария Кровавая умерла, народ танцевал на улицах, – блеснул эрудицией Женя.

– Надеюсь, и мы попляшем, – улыбнулся Альбицкий.

– Главное, чтобы не в петле, – мрачно заметил Кир.

Здесь была назначена встреча с Крисом. Он взялся сам проводить гостей, чтобы не заплутали в волшебных оксфордских переулках.

Вот и он в неизменных шортах и футболке.

Утром был дождь и холодный ветер, а теперь жара. В Лондоне не климат, в Лондоне – погода, как у нас где-нибудь на Урале, так что кутаться в свитер и раздеваться до футболки иногда приходится по несколько раз в день.

Но местное население обычно не заморачивается и ходит в майках и шортах в любую погоду, независимо от показаний термометра.

– Ну, пойдемте, – сказал Крис. – Игорь у меня бывал и не заблудится.

– Да, конечно, спорить не буду, – сказал профессор Игорь Юрьевич Бутицкий, – вы ведете себя значительно приличнее и «Народной расправы», и «Народной воли» и, тем более Боевой организации эсеров.

Профессор имел обширную лысину в обрамлении седых волос, круглое лицо с крупным носом и квадратные очки.

На столе стоял чай, мясной пирог и даже традиционный английский пудинг. За столом, кроме Игоря Юрьевича, расположились Альбицкий, Соболев, майор и Крис. Андрею положительно нравились эти интеллигентские посиделки.

– Мы вообще не о том, Игорь Юрьевич, – сказал Альбицкий. – Ну, какая «Народная расправа»? Мы не убиваем по принципу: этот человек мешает революции. Мы вообще революцию не готовим. Даже не уверен, что расшатываем ситуацию. Мы казним только по приговорам, после расследования и суда, а не потому что нам так захотелось. И довольно мало. И ни один случайный человек не пострадал!

– Это вам везет.

– Просто мы не используем динамит.

– А Дамир?

– Не от нас. Не перекладывайте с больной головы на здоровую. Это полностью вина диктатора.

– Разборчивые убийцы, – хмыкнул Бутицкий. – Русский терроризм и начинался с таких «казней». Только после разборчивых убийц с револьверами и кинжалами пришли неразборчивые с бомбами и динамитом, которым было все равно, сколько человек погибнет. Что значат какие-то несколько сотен жизней по сравнению с грядущим счастьем человечества!

– Мы не занимаемся подобными расчетами. Да и о грядущем счастье не мечтаем, нам бы только немного свободы и немного справедливости.

– И тирания безразлична? Пусть правит диктатор?

– Не безразлична. Но мы бы и тирана пощадили, не будь он людоедом. И пусть десятки людей, убитых по его приказу, останутся не отмщены, в том числе моя жена и мой друг. Личная месть – не главное. Лучше бы вообще без нее. Вот, у Жени нет мотива личной мести, и он гораздо чище меня.

– Андрей, вы не представляете, насколько ваши слова похожи на слова ваших предшественников!

– Неужто Нечаев?

– Именно: «Катехизис революционера». Личная ненависть и мщение – это плохо. Должна быть одна цель – беспощадное разрушение.

– У нас нет этой цели. Ни разрушения, ни беспощадности. Щадим, знаете. Даже больше, чем следует.

– Вы – может быть. Но вами не кончится. Вы знаете, сколько во время терактов гибло случайных людей, «мелких сошек», судьба которых никого не интересовала?

– Подозреваю, что много, но мы очень аккуратны.

– Только с 1901 по 1917 год в терактах погибло 17 тысяч человек!

– А мы никак до дюжины не доберемся.

– Доберетесь, к сожалению. И, думаю, что скоро.

– Я мораторий объявил, – сказал Альбицкий. – Ни одной казни, пока Дамир жив. И слово держу. Вот и посмотрим, кто из нас террорист. Пойдет диктатор на то, чтобы сохранить жизнь ни в чем неповинному мальчишке, чтобы остановить насилие, или на все наплюет.

Профессор вздохнул и отпил чаю.

– Поймите, Игорь Юрьевич, – сказал Альбицкий. – Мы не приморские партизаны. Мы не убиваем, кого попало: ни полицейских, ни судейских, ни чиновников. Даже, если человек служит этой власти, нам нужны очень веские основания, чтобы его приговорить. И это всегда его личная вина в совершенно конкретных преступлениях, а не принадлежность к какой-то группе или абстрактная опасность для революции. Мы не строим свое революционное правосудие. Мы строим правосудие вообще. И не потому что правосудие тирана нам не нравится, а потому что его нет в принципе.

– Ну, есть... иногда, – возразил Бутицкий. – В уголовных делах.

– Угу! Изредка в уголовных делах, когда ни у кого нет ни политического, ни экономического интереса, и судья не поленился разобраться вместо того, чтобы переписать обвинительное заключение в приговор. Счастливое исключение из правил. Но в правосудии «иногда» не работает. Правосудие либо есть, либо нет.

– Вы слишком максималист, Андрей. Даже здесь, в Англии, суды не идеальны, несмотря на всю независимость и старые традиции.

– Я не об идеале, я о минимальном соответствии понятиям о справедливости. Вы, кстати, почему в эмиграции? Что вас заставило уехать?

- Ну, как? Статья об оправдании терроризма.
- Супер! Вы мне сейчас полчаса очень красноречиво оправдывали терроризм. За такое же?
- Примерно. В моей книге целая глава посвящена случайным жертвам и недопустимости насилия.
- И не спасло?
- Понимаете, я же историк, Андрей. Я не могу писать о террористах, как о патологических злодеях с непонятными мотивами. Я пишу о людях, а значит об их вере, убеждениях, целях и намерениях. Иногда благих. У нас считают: значит, оправдываю. А я просто пытаюсь разобраться и предостеречь. Понять причины. Указать власти на ошибки, посоветовать свернуть с того пути, который уже привел к большой крови.
- Слышат?
- Нет. Ну, вы же видите. Идут проторенной дорожкой по следам российских властей позапрошлого века, как по рельсам, никуда не сворачивая. Те сначала выгнали из университетов «неблагонадежных», чем создали целый класс профессиональных революционеров, ушедших агитировать «в народ», потом арестовали Чернышевского, сфабриковали против него улики и отправили на каторгу, потом начали арестовывать и отправлять туда же мирных агитаторов из бывших студентов. Эти, которые наши современники – ну вы знаете! Найдите десять отличий.
- Мы другие.
- Вы идете по стопам их оппонентов. И тоже след в след!
- Нам не оставили возможности для мирного сопротивления. Все запрещено: любая критика властей, даже на уровне эпитетов (ибо оскорбление власти), любая оппозиция, любые собрания, даже пикеты.
- Им тоже. Знаете, что сказал по этому поводу Милюков? Всякое революционное движение, не приводящее к цели, заканчивается террором. Они тоже разочаровались в мирном сопротивлении и решили подстегнуть неповоротливого осла истории. К чему привело – мы проходили.
- Понимаю, но у нас есть край, моральные ограничители и границы, за которые мы не заступим.
- Это сейчас. А, если придете к власти?
- Мы не придем к власти, потому что мы от нее откажемся. Для нас власть – табу, потому что у нас кровь на руках.
- Бутицкий покачал головой.
- Вот тогда и посмотрим, хватит ли вас на то, чтобы отказаться.
- Посмотрим. Кстати, у меня к вам предложение, Игорь Юрьевич. Только не отказывайтесь с порога.
- Что за предложение?
- Я предлагаю вам войти в состав Суда Присяжных Лиги. Увидите все изнутри.
- Я не юрист.
- Присяжный и не должен быть юристом.
- Я принципиальный противник смертной казни.
- Вы не один такой. Часть присяжных – ваши единомышленники. Вы знаете, иногда голосуют «за». У нас такие подсудимые, что иногда трудно придерживаться принципов.
- Значит, слабые принципы.
- Человек с сильными принципами нам бы очень пригодился.
- А, кто еще в вашей коллегии присяжных?
- Я не могу разглашать их имена. Но вам будет не стыдно такого соседства.
- Хорошо, не буду отказываться с порога. Я подумаю.

На следующий день Альбицкий официально объявил о моратории. Ролик записывали прямо в гостиничном номере. В качестве фона повесили простыню для лучшей картинки, замуфлировав интерьер, чтобы не идентифицировали отель.

– Мы приостанавливаем акции пока жив Дамир Рашитов, – объявил Андрей. – Очень надеемся, что диктатор оценит нашу инициативу и остановит насилие. Это вполне в его власти и должно быть легко, поскольку Дамир не имеет отношения к Лиге. Но если он будет расстрелян, акции возобновятся. Мы все ближе подбираемся к тирану. В конце концов доберемся.

Прошел месяц, акции активно готовились. К Жене то и дело обращались за консультациями. Но все общение шло через Альбицкого, прямых контактов не было, и Женя опасался, как бы такая помощь не превратилась в испорченный телефон.

– Не обижайся, – комментировал Альбицкий. – Я же вижу, как ты хочешь сорваться в Россию. Нам не надо, чтобы ты попался и всех выдал.

Женя не спорил. Да, хочет. Только до конца моратория в этом нет никакого смысла.

Апелляцию на приговор Дамиру рассматривал Апелляционный военный суд в закрытом городе Власиха. Ни посетителей, ни оппозиционных журналистов туда не пустили. Государственные суд не снимали, а кратко пересказывали, половину перевирая. Так что реальную картину было невозможно восстановить.

Апелляционный суд – не суд первой инстанции, он не будет заседать неделями и месяцами. Решения ждали в этот же день.

Глава 6

Оно появилось на сайте суда около семи вечера: «Определением судебной коллегии по уголовным делам Апелляционного военного суда приговор в отношении Рашитова Д.Р. оставлен без изменения, а апелляционные жалобы его защитников адвокатов – без удовлетворения».

В СМИ просочился только минутный эпизод, где Дамир прислоняется лбом к стеклу «авкариума», слушая приговор, а потом его уводят полицейские.

Женя смотрел на это и кусал губы.

Позвонил Альбицкому.

– Андрей, мы снимаем мораторий?

– Нет. Я сказал, пока Дамир жив. Дамир жив.

– Теперь приговор вступит в законную силу, и парня переведут из Психологического Центра. В Лефортово. В камеру смертников!

– К сожалению, да.

– Андрей! Ну, все же ясно. Этот гад не принял наши условия!

– Ничего не ясно. Возможно, просто играет с Дамиром, как кошка с мышкой. Парень же нехорошие слова написал. Таковы понятия диктатора о справедливости.

Спустя неделю Андрей получил письмо от Штерна: «Сегодня Дамира от нас увезли. Мы обнялись на прощание».

Письмо содержало невысказанный упрек.

«У нас мораторий, Олег Николаевич, – ответил Альбицкий. – Мне кажется, вы должны быть довольны».

«Я знаю про мораторий», – коротко ответил Штерн.

Андрей поручил Жене заниматься разборами жалоб из глубинки. Не ему одному: были еще сотрудники в юридическом отделе. Одному справиться невозможно: жалоб море.

В провинции действительно царила полная жесь.

Власть на законы даже не оглядывалась, даже те писанные и зачастую идиотские законы, которые так раздражали в столицах. Здесь глупость российских законов не компенсировалась, а только усугублялась произволом.

Осенью была кассация. В Новосибирске, поскольку там кассационный военный суд.

Дамира туда не повезли, даже видеоконференции не было. Все заочно, в отсутствии подсудимого. И решение то же: все оставить без изменения.

Женя позвонил Андрею и напросился в гости.

Был вечер, они пили неизменный чай с мясным пирогом.

Кирилл не было, и Женя чувствовал себя спокойнее.

– Андрей, я не хотел по телефону, включи меня в группу, которая готовит казни прокурорши Бондарь и судьи Кабанова.

– Это две разные группы.

– Ну, хоть в одну!

– Нет.

– Ну, почему?

– Крис дал отрицательное заключение. Ты плохо держишь себя в руках.

– Я отлично держу себя в руках!

– Психологу виднее. Уж, не говоря об опасности провала. Жень, пойми, ты не вернешься.

– И что? Как прикажешь с этим жить?

– Нормально жить. Ответственность, необходимость отдать свою жизнь, если взял жизнь другого – все это хрень полная. А концепция искупления имеет смысл только в рамках религии. Ты – атеист, я надеюсь.

– Я не о суде и Сипепал, я о Дамире.

– Я понял. Тут ты вообще не при чем. Сделал все, что мог. И утешься.

– Мы что его уже похоронили? Вовсю готовим акции, хотя он еще жив.

– Я не верю в благородство этого мерзавца на троне. И поэтому мы готовим акции. Не пригодится – буду только рад.

– Я не усiju в Лондоне.

– Жень, ты прекрасно работаешь в аналитике и юридическом отделе, я очень доволен. Ей-богу, от тебя здесь больше пользы, чем в расстрельном подвале на Лубянке.

– А я не доволен, – сказал Женя.

– Ты клялся подчиняться.

Адвокаты Дамира использовали все возможности. Подали жалобу в Верховный Суд: отказ. В Президиум Верховного Суда: отказ. К началу зимы осталась одна неиспользованная возможность: президентское помилование. И Дамир подал прошение.

Крис и Бутицкий организовали петицию ученых за помилование Дамира: «Ученые против произвола и политического террора». Подписало несколько нобелевских лауреатов. Потом петицию сделали открытой и собрали еще полмиллиона подписей.

Подали в Администрацию Президента. Ответа не последовало.

Зато Дамиру передали через отца, что, если он признает вину, у него будет шанс.

Левиев встретился с ним в Лефортово. Дамир страшно похудел и выглядел смирившимся со своей судьбой.

– Я не буду признаваться в том, чего не делал, – сказал Дамир. – За комментарий я извинился.

Канун Рождества: двадцать четвертое декабря. Не так давно в Европе именно Рождество и праздновали, в отличие от России, где празднуют Новый Год. Но времена менялись, общество становилось все более секулярным, и от рождественских традиций осталась только традиция сидеть дома и праздновать в кругу семьи.

Так что на улицах было довольно пустынно. Зато в Новый год здесь, как и в России будет грохот фейерверков и веселые толпы на улицах.

Женя не усидел дома и пошел гулять по городу, украшенному к празднику, мимо деревьев, увитых гирляндами, под ангелами и рождественскими звездами из мелких лампочек, с елками на площадях и в торговых галереях.

После венского взрыва Женя стал крайне осторожным: каждый раз, выходя из дома, оставлял несколько ловушек для незваных гостей.

Сегодня он заметил двух накаченных парней у выхода из дома. Стояли и курили поодаль, у поворота в переулок. Увидев его, быстро затушили сигареты и скрылись за углом.

Женя кинул сообщение Альбицкому: «За мной кажется слежка».

«Будь осторожен, – ответил тот. – Обращай внимание на тех, кто идет за тобой».

Вестминстерское аббатство подсвечено голубым и желтым, рядом возвышается наряженная живая ель, сияет золотой подсветкой Парламент.

Прохладно и влажно.

Преследователей, вроде нет.

Зато звонит телефон.

– Уже знаешь новость? – спрашивает Альбицкий.

– Что-то случилось?

– Дамир умер.

– Как? А помилование? Еще же не было отказа! Его расстреляли?

– Нашли в петле.

– Значит, сам...

– Ничего не значит. Мне уже Штерн написал. Ни на грош не верит. Они переписывались почти до конца. Не было никаких признаков суицидального поведения. Дамир надеялся на помилование. Хотел жить.

– Гады, – говорит Женя.

– Так как его не расстреляли, тело выдадут родственникам. Может быть, что-то прояснится.

– Точнее гад. Теперь будет делать вид, что он не при чем, а мы, сволочи, без оснований сняли мораторий. Мы ведь снимаем мораторий?

– Не по телефону, на всякий случай. Приезжай ко мне!

Звонил Крис. Прилично, по мессенджеру, с окончательным шифрованием.

Альбицкий взял трубку.

– Анджей, ты уже отдал приказ? Прошу тебя: не делай этого!

– Знаешь, что меня возмущает в этой ситуации больше всего? – спросил Андрей.

– Предполагаю. То, что они не решились на официальную казнь?

– Именно. Лицемерие Крис! Какое-то запредельное лицемерие. Это даже не публичное омовение рук Пилатом. Он не умыл руки, он сделал вид, что он их умыл. И считает, что кого-то обманул.

– И, чтобы продемонстрировать всему миру, что вас не обманешь, ты готов убивать?

– Извини, Крис, ты научился здорово болтать по-русски, ты вызубрил наши поговорки и с десятков жаргонных слов, но ты так ничего и не понял в России. Ничего!

– Анджей, честно говоря, я не думаю, что русские так уж принципиально отличаются от англичан. Ты знаешь, что такое английское четвертование?

– Да знаю, конечно. И что?

– То, что сейчас все несколько иначе. И вы до этого дойдете. Пусть и позже нас.

– Угу! Лет через пятьсот!

– Ну, почему же? В Норвегии в начале прошлого века еще головы рубили топором. А теперь их психологические центры – образец гуманности и эффективности. Лучше наших. А тюремное заключение они отменили вообще. Молодцы! Дикость и бессмыслица после курса коррекции отправляют человека помучиться, а потом опять на психокоррекцию, потому что от издевательств портится карта. Пусть лучше расплавляется, отрабатывает, приносит пользу людям. А если не доверяете – ок, браслет на ногу, карту под мониторинг.

– Наслышан.

– Так что можно быстрее, чем за пятьсот лет. И не такие уж вы пропащие.

– Да мы не пропащие...

– А кто?

– Дураки! И если бы виной тому был только кремлевский старец, который покрывает всю эту дикость, подлость и идиотизм, тогда бы я давно подослал к нему смертника. Лучше одним человеком пожертвовать, чтобы спасти сотни и тысячи. Но дело не только в нем. Ну, убью я его – они найдут себе другого гада, который будет сосать их кровь. Мы все такие brutальные сволочи, и сажаем себе на шею того, кто нам близок и понятен. И нам все похуй, кроме своей драгоценной рубашки, которая ближе к телу и родной хаты, которая всегда с краю. Здесь народ надо воспитывать прежде, чем мстить тирану.

– Убийствами воспитывать?

– В том числе! Пусть хоть под страхом смерти ведут себя прилично. Русский человек только на краю пропасти задумывается о смысле бытия. И у него даже иногда прорезывается совесть. Так что убить этих пешек, Крис, куда важнее, чем солнцеликого. Чтобы остальные задумались прежде, чем брать с них пример. А чтобы через тысячу лет страна стала образцом справедливости, кто-то должен дать выпустить себе кишки на рыночной площади. Как ваш Вильям Уоллес.

– Ты тоже не первый, Анджей, из ваших Уоллесов.

– Даже не сотый. Но надеюсь стать последним. Так что, извини, Крис. Они умрут.

Позвонили в дверь.

Альбицкий открыл. На пороге стоял Женя.

– Заходи! – сказал Андрей. – Мы снимаем мораторий, Жень. Я сейчас буду выступать.

Пока они с Женей вешали простыню и подключали камеру, пришел Кирилл Иванович.

– Только время потеряли, – сказал он. – Глупо было надеяться на их милосердие.

– Мы его не потеряли, – возразил Альбицкий.

Женя включил запись.

– Привет, это Альбицкий, – сказал Андрей, – и Лига Свободы и Справедливости. Вы все, конечно, уже знаете, что Дамир Рашитов мертв. Условием для возобновления наших акций был его расстрел. Тиран лицемерно приказал убить его в тюрьме. У нас есть основания считать, что это не самоубийство. Мы не собираемся играть по правилам диктатора и делать вид, что расстрел, убийство и доведение до самоубийства (даже, если это так), чем-то отличаются друг от друга. Ему не удастся спрятаться за свою ложь. Завтра мы возобновляем акции.

Андрей снял микрофон с рубашки, отключил камеру.

– Бондарь и Кабанова убьют завтра? – спросил Женя.

– Нет. Эти господа улетели на Новый год отдыхать к теплому морю. Так что по возвращении.

– Я не смогу отсидеться в Лондоне! – воскликнул Женя. – Я не могу быть в стороне.

Альбицкий посмотрел на него, перевел взгляд на майора.

– Кирилл, посмотри за Женей. Он неадекватен.

– Хорошо, – сказал Кирилл Иванович.

– Женя, там уже все спланировано, – пояснил Альбицкий. – Ты только помешаешь.

Майор проводил Женю до дома, поднялся с ним на этаж.

Перед уходом Женя покрыл ручку двери бесцветной краской, и теперь включил ультрафиолетовый фонарик и искал чужие отпечатки пальцев. Вроде, чисто.

– Жень, это кустарщина и прошлый век, – сказал майор. – Еще скажи, что у тебя крекер под ковриком возле двери.

Женя вздохнул. Крекер был.

– Видеосъемка тоже есть, – попытался оправдаться он. – Кустарщина для подстраховки, вдруг залезут в систему и подменят записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.